

АДАМ ДЖОНСОН

СЫН
ПОВЕЛИТЕЛЯ
СИРОТ

Пудитцеровская премия
по литературе

BYBLOS

Бестселлер New York Times,
Washington Post, The Wall Street
Journal, Los Angeles Times, San
Francisco Chronicle, Financial
Times, Newsweek

Адам Джонсон
Сын повелителя сирот

«Библос»

2012

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Coe)-44

Джонсон А.

Сын повелителя сирот / А. Джонсон — «Библос», 2012

Северная Корея начала XXI века. В стране, где правит культ личности Ким Чен Ира, процветают нищета, коррупция и жестокость власти по отношению к собственному народу, лишенному элементарных человеческих прав. Публичные казни, концлагеря и тюремные шахты, рабство, похищения японцев и южнокорейцев, круглосуточная пропаганда и запрет на все иностранное – такова реальность существования людей, которых государственная машина превращает в зомби. Главный герой романа, мальчик из сиротского приюта, в 14 лет становится солдатом, которого учат сражаться в темных туннелях, прорытых в демилитаризованной зоне, а через несколько лет – безжалостным похитителем людей. В награду за «успехи» его отправляют радистом на рыболовное судно, которое в действительности шпионит за иностранными кораблями. Впоследствии, после жестокой «проверки», он попадает в Америку как переводчик дипломатической делегации, где его по воле случая принимают за Министра тюремных шахт. Захватывающая история его невероятных, на грани абсурда, приключений полна трагизма и жертвенной любви, слепого подчинения идеологии Чучхе и чувства долга по отношению к близким. Автор намеренно сгущает краски, что делает этот роман сродни «бомбе, разорвавшейся среди ясного неба» в цивилизованном обществе. Некоторые критики сравнивают роман Джонсона, написанный в популярном жанре магического реализма, с произведениями Джорджа Оруэла, автора всемирно известных сатирических произведений, обличающих тоталитаризм – «1984» и «Скотный двор» и Олдоса Хаксли, автора антиутопического сатирического романа «О дивный новый мир». Роман получил Пулитцеровскую премию, которая считается одной из наиболее престижных наград США в области художественной литературы и журналистики. Он входит в топ-листы таких изданий как Wall Street Journal, Washington Post, Entertainment Weekly, New York Times, Los Angeles Times, San Francisco Chronicle, Financial Times, Newsweek/The Daily Beast, The Plain Dealer, St. Louis Post-Dispatch, Milwaukee Journal Sentinel, USA

Today, Vogue, Elle, GQ, Time Out, Playboy. Является лидером продаж ряда независимых книжных сетей в США.

УДК 821.111(73)-31

ББК 84(7Сое)-44

© Джонсон А., 2012

© Библос, 2012

Содержание

Часть первая	8
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Адам Джонсон

Сын повелителя сирот

Посвящается Стефани

*Ты – мое солнце,
моя луна,
моя звезда
и спутник*

Adam Johnson

THE ORPHAN MASTER'S SON

RANDOM HOUSE | NEW YORK

Печатается с разрешения Random House, товарного знака The Random House Publishing Group, подразделения Random House LLC.

© Adam Johnson, 2012.

Этот роман – выдуманная история от начала и до конца. Все события, диалоги и персонажи, кроме всемирно известных личностей, – плод фантазии автора.

Любое сходство персонажей с реальными людьми, живыми или умершими, является чистой случайностью.

ГРАЖДАНЕ, подходите к репродукторам, чтобы узнать важные новости! На кухне, на службе, на заводе – где бы вы ни были, сделайте звук приемника громче!

Местные новости: «Наш Великий Руководитель Ким Чен Ир подсказал инженерам, как им углубить русло реки Тэдонган. Пока наш Дорогой Руководитель давал наставления экскаваторщикам, над его головой вдруг появилось множество голубей, укрывших нашего Уважаемого Генерала в прохладной тени в такой жаркий день. Сообщаем также о предложении министра госбезопасности: сейчас, когда сезон охоты на голубей в самом разгаре, он предлагает спрятать проволочные силки и ловушки с приманкой от наших младших товарищей. И не забудьте, граждане: запрет на созерцание звезд все еще в силе.

Далее мы откроем вам рецепт, победивший в кулинарном соревновании в этом месяце. Из сотни присланных рецептов лишь один будет назван лучшим – рецепт супа из тыквенной кожуры! Но сначала – печальные новости с Восточного моря, где американские агрессоры намереваются разжечь полномасштабную войну, задержав и обыскав северокорейское рыбацкое судно. И снова янки вторглись в корейские воды, чтобы похитить драгоценный груз с государственного корабля, при этом обвиняя нас во всем – в пиратстве, похищении людей и даже в жестоком отношении к акулам. Во-первых, именно американцы и их ставленники пиратствуют на море. Во-вторых, разве не американская женщина недавно совершила кругосветное плавание, чтобы сбежать в нашу великую страну – рай для рабочих, где граждане ни в чем не нуждаются? Одного этого достаточно, чтобы доказать нелепость этих бесконечных обвинений в похищении людей.

А жестокое отношение к акулам? Это обвинение нельзя оставить без ответа. Акулы, будучи друзьями рыбаков, с давних времен благоволят корейскому народу. В 1592 году разве акулы не снабжали моряков адмирала Йи во время осады в бухте Окпо? Разве акулы не выра-

ботали в себе вещества, помогающие в борьбе с раком, чтобы продлить жизнь своих друзей – людей? Разве наш Командир Га, обладатель Золотого пояса, не пьет успокоительный бульон из акульих плавников перед каждой победой в тхэквондо? И, граждане, разве вы не видели собственными глазами фильм «Истинная дочь народа» здесь, в кинотеатре «Моранбонг», в Пхеньяне? Конечно, вы помните сцену, когда наша народная актриса Сан Мун упала в воду, в порту Инчхон, пытаясь предотвратить тайное нападение американцев. Мы все с замиранием сердца смотрели, как акулы окружили ее, беспомощную, в волнах. Но разве акулы не учуяли корейскую скромность и покорность Сан Мун? Разве они, откликнувшись на ее горячий патриотизм, не подняли героиню на плавниках и не вынесли ее на берег, чтобы она вступила в разгоревшуюся битву и помогла отбросить империалистических захватчиков?

Это убедительно доказывает, граждане, что слухи, витающие вокруг Пхеньяна, о размолвке между Командиром Га и Сан Мун – ничем не обоснованы! Так же, как вторжение на наши ни в чем не повинные рыбацкие суда иностранных сил, так же, как обвинения в похищениях людей, выдвинутые против нас Японией. Неужели японцы думают, что мы забыли, как *они сами* похитили наших мужей и превратили их в рабов, а жен сделали женщинами для утех? Разве может женщина любить своего мужа больше, чем Сан Мун? Разве вы, граждане, не видели, как Сан Мун надела Золотой пояс на своего мужа, зардевшись от любви к нему? Разве вы не собрались на площади Ким Ир Сена, чтобы увидеть это самим?

Чему вы поверите, граждане? Слухам и лжи или собственным глазам?

А теперь вернемся к нашей программе: вы услышите повтор блистательной речи Дорогого Вождя Ким Ир Сена от 15 апреля 71-го года Чучхе¹, а также выступление министра по закупкам, товарища Бука, о том, как продлить срок службы флуоресцентных лампочек. Но сначала сюрприз: с превеликим удовольствием сообщаем, что в Пхеньяне появилась новая оперная певица. Наш Великий Руководитель назвал ее Прелестной гостьей. И сейчас она поет для поднятия нашего патриотического духа арии из «Моря крови». Итак, возвращайтесь к рабочим станкам, граждане, и удвойте норму выработки, пока слушаете, как Прелестная гостья поет о величайшей стране в мире – Корейской Народно-Демократической Республике!

---

¹ С 8 июля 1997 года в Северной Корее принято новое «летоисчисление Чучхе», началом которого является 1912 год – год рождения Ким Ир Сена. – *Прим. пер.*

Часть первая

Биография Пак Чон До

Мать Чон До была певицей. Это единственное, что его отец, Повелитель сирот, рассказал о ней. Фотография этой женщины висела в кабинете Повелителя сирот в приюте «Завтрашний день». Она была прелестна – большие раскосые глаза, полураскрытые губы. Красивых женщин из провинции увозили в Пхеньян, так что наверняка именно это и произошло с его матерью. Доказательством был сам Повелитель сирот. По ночам он пил, и приютские мальчики слышали в своих бараках, как он плачет и стонет, горько жалуясь женщине на фотографии. И только Чон До разрешалось утешать его и забирать бутылку у него из рук.

Чон До, как самый старший мальчик в приюте, обязан был раздавать всем еду, распределять койки, давать имена новичкам по списку ста четырнадцати Великих Мучеников Революции. Однако Повелитель сирот старался не оказывать никакого предпочтения своему сыну, единственному мальчику в приюте, который не был сиротой. Если клетка для кроликов оказалась грязной, именно Чон До запирали в ней на всю ночь. Если мальчики ночью писались, именно Чон До приходилось отскрести замерзшую мочу с пола. Чон До не хвастался перед ними, что он сын Повелителя сирот, а не какой-то там мальчишка, которого родители сбагрили сюда по дороге в лагерь «9–27»². Если подумать как следует, то догадаться несложно – Чон До появился в приюте первым, и его никогда не усыновляли, потому что отец не позволил бы отобрать своего единственного сына. И вполне понятно, что после отъезда его матери в Пхеньян отцу пришлось этим заняться, чтобы зарабатывать на жизнь и при этом присматривать за сыном.

То, что женщина на фото была матерью Чон До, неоспоримо доказывали изощренные наказания, которым Повелитель сирот нещадно подвергал своего сына. Это могло означать только одно: в глазах Чон До он видел женщину с фотографии – каждодневное напоминание о безграничной боли, которая поселилась в его сердце, когда он потерял ее. Только измученный отец мог отобрать у мальчика обувь зимой. Только настоящий отец мог огреть сына, плоть от плоти своей, раскаленной кочергой.

Время от времени какой-нибудь завод брал к себе нескольких мальчиков: весной люди с китайским акцентом приезжали их отбирать. Помимо этого, любой, кто был в состоянии прокормить мальчиков и подарить бутылочку Повелителю сирот, мог забрать их на день. Летом они грузили мешки с песком, а зимой, вооружившись железной арматурой, кололи глыбы льда в доках. За миску холодного *чапчхэ*³ они убирали лопатами маслянистые завитки металлической стружки, сыпавшейся с токарных станков. Хотя лучше всего их кормили на грузовой станции – острым супом *юкедьян*. Однажды, разгружая товарный вагон, они рассыпали порошок, похожий на соль. Не успели ребята опомниться, как у них покраснели руки, лица, даже зубы. Поезд перевозил химикаты для лакокрасочной фабрики. Несколько недель они так и ходили красными.

А затем, в 85 году Чучхе, начались наводнения. Три недели дождей, а репродукторы ни словом не обмолвились, что насыпи обваливаются, земляные плотины размываются, деревни сносит одну за другой. Армия пыталась спасти завод «Сунгри 58» от наводнения, поэтому мальчишкам из приюта «Завтрашний день» выдали веревки и длинные багры, чтобы вылавливать людей из реки Чхонджин, которых могло унести в порт. В воде было месиво из деревянных обломков, нефтяных баков и экскрементов. Колесо от трактора бултыхалось в воде рядом

---

² В лагере «9-27» содержатся больные дети и дети-инвалиды. – Прим. пер.

³ Чапчхэ – лапша с мясом и овощами, популярное корейское блюдо. – Прим. пер.

с советским холодильником. Мальчишки слышали грохот товарных вагонов, обрушившихся в реку. Мимо пронесся тент военного грузовика, за него цеплялась целая семья, вопя от страха. Вдруг из воды вынырнула молодая женщина с раскрытым в безмолвном крике ртом. Один из сирот по имени Бо Сон зацепил багром ее руку и сам упал в воду и его унесло течением. Бо Сон попал в приют хрупким, болезненным мальчиком, и когда обнаружили, что он глухой, Чон До дал ему имя Юн Бо Сон, в честь 37-го Мученика Революции, который заткнул уши грязью, чтобы не слышать свиста пуль, когда бросился в атаку на японцев.

А мальчики все звали его: «Бо Сон, Бо Сон!», пока бежали по берегу к тому месту, где он упал. Они миновали дренажные коллекторы сталелитейного завода и илистую косу Рионгсона, но Бо Сон исчез. Мальчики остановились возле залива, его темные воды были усеяны трупами – тысячи людей, словно в агонии, бились о волны, словно комки липкого пшена, которые подсакивают на раскаленной сковородке.

Никто еще не знал, что впереди их ждал голод – сначала отключилось электричество, потом встали поезда. Когда умолкли заводские гудки, Чон До понял, что что-то неладно. Однажды рыбацкие суда вышли в море и не вернулись. С зимой пришла чума, и многие старики уснули навеки. Это был еще только первый голодный месяц, задолго до того, как люди стали грызть кору деревьев. Репродукторы называли голод «Трудным походом», но голос доносился из Пхеньяна. Чон До никогда не слышал, чтобы кто-то в Чхонджине называл это так. То, что происходило с ними, не нуждалось в названии – оно было везде, в каждом ногте, который они жевали и глотали, в каждом взгляде, каждый раз, когда они ходили в отхожее место и пытались выдавить из себя комки опилок. Когда надежды не осталось, Повелитель сирот сжег в печке кровати, чтобы согреть мальчишек в их последнюю ночь в приюте. Утром он остановил на дороге советский военный грузовик, прозванный «воронком» за черный брезентовый навес. Осталось всего двенадцать мальчиков, как раз поместятся в кузов «воронка». Все приютские в конце концов попадают в армию. Так Чон До, которому исполнилось тогда четырнадцать лет, стал туннельным солдатом, обучаясь искусству сражаться в полной темноте.

Там, восемь лет спустя, его и нашел офицер Со. Старик лично спустился под землю, чтобы взглянуть на Чон До, который провел ночь со своими товарищами в туннеле, тянущемся на десять километров под демилитаризованной зоной, почти до окрестностей Сеула. Выходя из туннеля, они всегда шли задом наперед, чтобы глаза успели привыкнуть к свету, и Чон До чуть не столкнулся с офицером Со, чьи могучие плечи и широкая грудь говорили о том, что он достиг зрелости в благоприятное время, еще до движения Чхоллима⁴.

– Ты Пак Чон До? – спросил он.

Когда Чон До обернулся, свет обрамлял коротко остриженную седую голову человека, словно сияющий нимб. На лице кожа была темнее, чем на голове и подбородке, словно он только что сбрил бороду и густые взъерошенные волосы.

– Это я, – ответил Чон До.

– Это имя Мученика, – сказал офицер Со. – Ты что, из приюта?

Чон До кивнул.

– Да, – произнес он. – Но я не сирота.

Взгляд офицера Со упал на красный значок тхэквондо на груди Чон До.

– Что ж, хорошо, – сказал он и бросил ему мешок.

Внутри оказались пара джинсов, желтая рубашка-поло и кроссовки «Найк»; Чон До видел их давным-давно, когда мальчишек из приюта пригнали в порт, чтобы приветствовать паромы с корейцами на борту, которых переманивали из Японии, обещая им работу в Партии и квартиры в Пхеньяне. Мальчишки размахивали плакатами и пели партийные гимны, пока японские корейцы спускались по трапу, не обращая внимания на ужасающее состояние порта

---

⁴ Чхоллима – аналог Стахановского движения. – *Прим. пер.*

Чхонджин и «воронок», поджидавший их, чтобы отвезти в исправительные лагеря *Кван-ли-со*. Словно это было вчера – он смотрел на тех счастливых мальчишек в новых кроссовках, вернувшихся на родину.

Чон До вытащил желтую рубашку.

– И что мне с этим делать? – спросил он.

– Это твоя новая форма, – ответил офицер Со. – Надеюсь, ты не страдаешь морской болезнью?

* * *

Он не страдал морской болезнью. Они доехали на поезде до восточного порта Чхолхван, где офицер Со реквизирует рыбацкое судно, чья команда была так напугана военными гостями, что не снимала значки с изображением Ким Ир Сена до самого побережья Японии. Пока они плыли, их сопровождали маленькие рыбки с крыльями и утренний туман, такой плотный, что заглушал слова. Здесь репродукторы не ревели весь день, а у всех рыбаков на груди были татуировки с изображением их жен. Он и не подозревал, что море такое неровное – его раскачивало из стороны в сторону так, что он не мог предугадать, куда его бросит в следующее мгновение, но даже к этому можно привыкнуть. Ветер в снастях словно переговаривался с волнами, подталкивавшими судно, а звездными ночами гудел над рулевой рубкой, и Чон До казалось, что именно в таком месте можно закрыть глаза и наконец-то выдохнуть.

Помимо Чон До офицер Со взял с собой переводчика Джил. Джил читал японские романы на палубе и слушал небольшой плеер, надев наушники. Лишь однажды Чон До решился заговорить с Джиллом и подошел спросить, что он слушает. Но прежде чем Чон До открыл рот, Джил выключил плеер и произнес слово «опера».

Они должны были забрать кого-то с берега и привезти с собой. Больше офицер Со ничего не сказал.

На второй день с наступлением ночи они увидели вдалеке огни города, но капитан не стал подходить ближе к берегу.

– Это Япония, – сказал он. – У меня нет разрешения входить в эти воды.

– Я скажу тебе, когда остановиться, – сказал капитану офицер Со, и они направились к берегу. Один из рыбаков прощупывал дно.

Чон До оделся, затянув ремень, чтобы джинсы не спадали.

– Вы сняли это с того парня, которого похитили в прошлый раз? – спросил Чон До.

– Я уже много лет никого не похищал, – ответил офицер Со.

У Чон До свело скулы, и страх сковал его сердце.

– Успокойся, – сказал офицер Со. – Я проделывал это сотни раз.

– Правда?

– Если быть точным – двадцать семь раз.

Офицер Со взял с собой небольшую шлюпку и, когда они подошли к берегу, велел рыбакам спустить ее на воду. Солнце садилось над Северной Кореей, стало свежо, ветер изменил направление. Шлюпка показалась Чон До крошечной даже для одного человека, не говоря уже о троих, да еще с жертвой, которая будет сопротивляться. Вооружившись биноклем и термосом, офицер Со прыгнул в лодку. За ним последовал Джил. Когда Чон До занял место рядом с Джиллом, лодка черпнула темную воду, которая сразу намочила его кроссовки. Он заворчал, признавшись, что не умеет плавать.

Джил заставлял Чон До зубрить японские фразы: «Добрый вечер – *Комбанва*. Извините, я потерялся – *Чотто сумимасэн, мичи ни майоимасита*. Не могли бы вы помочь мне найти мою кошку? – *Ватаси но неко га маиго ни наримасита?*».

Офицер Со смотрел на берег; он слишком сильно тянул за трос подвесного мотора – старой советской модели. Они повернули на север и приблизились к побережью, волны то прибивали лодку к берегу, то отбрасывали обратно в открытое море.

Джил взял бинокль, но вместо того чтобы навести его на берег, принялся рассматривать высокие здания – центр города засверкал огнями.

– Говорю вам, – произнес Джил, – здесь не было никакого «Трудного похода».

Чон До и офицер Со переглянулись.

Офицер Со повернулся к Джилу:

– Скажи-ка ему еще раз, как по-японски «Как дела?».

– *Огэнки дэс ка*, – сказал Джил.

– *Огэнки дэс ка*, – повторил Чон До. – *Огэнки дэс ка*.

– Скажи так: «Как дела, товарищ? – *Огэнки дэс ка*», – произнес офицер Со. – Только не говори: «Как дела, сейчас я увезу тебя с этого гребаного берега».

Чон До спросил:

– Вот как вы это называете – «увезти»?

– Много лет назад именно так мы это и называли. – Он притворно улыбнулся. – Просто будь вежлив.

Чон До сказал:

– Почему вы не пошлете Джила? Он ведь говорит по-японски.

Офицер Со вновь взглянул на воду.

– Ты знаешь, почему ты здесь.

Джил спросил:

– И почему же он здесь?

– Потому что он умеет сражаться в темноте, – ответил офицер Со.

Джил обернулся к Чон До.

– Так вот чем ты занимаешься, это и есть твоя работа? – спросил он.

– Я руковожу группой проникновения, – ответил Чон До. – В основном мы патрулируем туннели в темноте, ну и сражаться иногда приходится, конечно.

– А я-то думал, что это у меня хреновая работа, – сказал Джил.

– А чем ты занимался? – спросил Чон До.

– Перед языковой школой? – уточнил Джил. – Наземными минами.

– Обезвреживал их?

– Если бы, – произнес Джил.

Они приблизились к берегу на расстояние нескольких сотен метров и поплыли вдоль побережья префектуры Кагосима. Чем больше угасал свет, тем затейливее становились его отблески на каждой волне, которая подталкивала их шлюпку.

Джил протянул руку:

– Вон там, – показал он. – Я вижу кого-то на берегу. Женщину.

Офицер Со заглушил мотор и взял бинокль. Он держал его неподвижно, настраивая, и его густые брови то поднимались, то опускались, пока он наводил фокус.

– Нет, – произнес он, возвращая бинокль Джилу. – Смотри внимательнее. Там две женщины. Они гуляют.

– Я думал, вы ищете парня? – сказал Чон До.

– Неважно, – произнес офицер Со. – Главное, чтобы человек был один.

– Как же так? Все равно, кого хватать?

Офицер Со не ответил. Некоторое время они не слышали ничего, кроме тархтящего мотора. Затем офицер Со произнес:

– В мои времена у нас было целое отделение, с бюджетом. То есть был катер, транквилизирующий пистолет. Мы наблюдали, проникали, выбирали. Мы не трогали семейных и нико-

гда не брали детей. Я заработал себе блестящую репутацию. А теперь – посмотрите на меня. Никого не осталось. Уверен, я единственный, кто еще помнит, как это делается.

Джил разглядывал что-то на берегу. Он протер линзы бинокля, хотя в такой темноте все равно ничего не разглядишь, и протянул бинокль Чон До.

– Что ты видишь? – спросил он.

Когда Чон До поднял бинокль к глазам, он еле разглядел мужчину, идущего по берегу, недалеко от воды, – пятно посветлее на темном фоне. Вдруг он заметил какое-то движение. Животное неслось по берегу прямо к мужчине – видимо, собака, хотя и очень крупная, размером с волка. Мужчина сделал что-то, и собака убежала.

Чон До обернулся к офицеру Со.

– Там мужчина. Он с собакой.

Офицер Со выпрямился и положил руку на мотор.

– Он один?

Чон До кивнул.

– Это акита?

Чон До не разбирался в породах. Раз в неделю приютские мальчишки убирались в местном собачьем питомнике. Собаки – грязные животные, готовые броситься на тебя при малейшей возможности, сразу видно, в каких местах они обкусывали деревянные подпорки в своих клетках, разгрызая дерево клыками. Вот все, что Чон До знал о собаках.

– Пока она виляет хвостом, не о чем беспокоиться, – сказал офицер Со.

– Японцы учат своих собак разным трюкам. Скажи ей: «Хорошая собачка, сесть. *Еси, еси. Осувари кавай дэс нэ*», – добавил Джил.

– Да заткнись ты со своим японским, – огрызнулся Чон До.

Чон До хотел спросить, есть ли план, но офицер Со просто направил лодку к берегу. В Панмунджоме Чон До возглавлял туннельный отряд, и ему разрешались алкоголь и раз в неделю свидание с женщиной. А через три дня у него четвертьфинал по тхэквондо.

Раз в месяц отряд Чон До прочесывал все туннели под демилитаризованной зоной, они работали без света, пробегая многие километры в кромешной тьме, только красные фонари горели в конце туннеля, там, где надо было проверить все затворы и провололочные заграждения. Они работали так, словно в любой момент могли наткнуться на южнокорейцев, и ежедневно тренировались в рукопашном бое в темноте, кроме сезона дождей, когда в туннелях становилось слишком грязно, чтобы спускаться туда. Говорили, что у южнокорейских солдат есть американские приборы ночного видения. А у парней из отряда Чон До единственным оружием была тьма.

Когда волнение на море усилилось, и Чон До стало не по себе, он обернулся к Джилу:

– Так что за работа может быть хуже, чем обезвреживание мин?

– Отмечать их на карте, – сказал Джил.

– Миноискателем?

– Они бесполезны, – сказал Джил. – Американцы используют теперь пластиковые мины. Мы составили карты их вероятного нахождения, используя психологию и особенности местности. Там, где тропинки утоптаны или приходится переступать через корни деревьев, вполне может находиться мина, и мы отмечаем ее на карте. Можно провести всю ночь на минном поле, рискуя жизнью на каждом шагу, и ради чего? К утру все мины на месте, и враг тоже.

Чон До знал, кому достается самая тяжелая работа – подземная разведка, подводные лодки на двенадцать человек, мины, биохимия – и вдруг он по-новому взглянул на Джилу.

– Так значит – ты сирота, – сказал он.

Джил был удивлен.

– Вовсе нет. А ты?

– Нет, – ответил Чон До. – Я нет.

Отряд Чон До состоял из приютских, хотя сам Чон До не относился к ним. В его военном билете Корейской народной армии был указан адрес – приют «Завтрашний день», это и определило его судьбу. Ошибка, которую никто в Северной Корее не был в состоянии исправить. Он вырос среди сирот, понимал их особое положение и не питал к ним ненависти, как большинство людей. Просто он не был одним из них.

– А теперь ты переводчик? – спросил Джила Чон До.

– Когда долго работаешь на минном поле, – объяснил Джил, – получаешь вознаграждение. Тебя посылают в какое-нибудь тепленькое местечко – например, в языковую школу.

Офицер Со горько усмехнулся.

Белая пена прибой захлестывала лодку.

– Знаешь, что погано? – продолжал Джил. – Идя по улице, я думаю: вот здесь я бы установил мину. А еще я никогда не наступаю на порог и не встаю перед унитазом. Я даже в парк не могу сходить.

– В парк? – спросил Чон До. Он никогда не бывал в парке.

– Хватит, – сказал офицер Со. – Пора найти для нашей языковой школы нового учителя японского.

Он заглушил мотор, и прибором захлопотал, покачивая лодку на волнах.

Они видели силуэт мужчины на берегу, он наблюдал за ними, но они ничего не могли поделать, до берега оставалось метров двадцать. Когда Чон До почувствовал, что шлюпка вот-вот перевернется, он спрыгнул в воду, чтобы поддержать ее, и, хотя вода доходила ему только до пояса, волны захлестнули его с головой. Прилив протащил его по песчаному дну, прежде чем он вынырнул из воды, откашливаясь.

Человек на берегу не произнес ни слова. Почти стемнело, когда Чон До выбрался на сушу.

Он сделал глубокий вдох и смахнул воду с волос.

– *Комбанва*, – сказал он незнакомцу. – *Одэнки кэс да*.

– *Огэнки дэс ка*, – крикнул Джил из лодки.

– *Огэнки дэс ка*, – повторил Чон До.

Собака подбежала к ним с желтым мячиком в зубах.

Мужчина замер на мгновение. Затем попятился.

– Хватай его, – крикнул офицер Со.

Мужчина бросился бежать, Чон До погнался за ним в своих мокрых джинсах и кроссовках, облепленных песком. Собака, большая, белая, прыгала от возбуждения. Японец побежал по берегу и почти исчез в темноте, если бы не собака, которая носилась вокруг него. Чон До бежал изо всех сил. Он сосредоточился только на ногах впереди бегущего человека – мелькавших на песке в такт с ударами его сердца. Потом он закрыл глаза. В туннелях Чон До научился чувствовать людей, которых не мог видеть. Когда кто-то появлялся, он чувствовал это, и если ему удавалось подобраться поближе, он мог напасть на противника. Отец, Повелитель сирот, всегда внушал ему, что его мать мертва, но Чон До знал, что это неправда, она жива и здорова, но вне досягаемости. И хотя он ничего не знал о судьбе Повелителя сирот, Чон До чувствовал, что отец покинул этот мир. Для того чтобы сражаться в темноте, нужно то же самое: чувствовать противника и никогда не полагаться на воображение. Мрак в твоей голове заселяется баснями, которые нашептывает воображение и которые не имеют ничего общего с тем мраком, что окружает тебя на самом деле.

Впереди послышался глухой звук, словно кто-то упал в темноте; Чон До тысячи раз слышал этот звук. Он подбежал к мужчине, который торопился подняться на ноги. С испачканным в песке лицом он походил на призрак. Они оба задыхались от быстрого бега, и пар от их дыхания белым облаком выделялся в темноте.

На самом деле Чон До плохо выступал на соревнованиях. Когда ты сражаешься в темноте, твое местонахождение выдает противнику лишь твой удар. В темноте самое важное –

это максимальное расстояние, позволяющее наносить сильные, ошеломляющие удары в голову и мощные удары ногой с разворота, которые требуют большого пространства и могут сходу вырубить противника. А в соревнованиях противник видит твои движения задолго до того, как ты нанесешь удар. Ему достаточно сделать шаг в сторону. Но как быть человеку на берегу, ночью, уставшему и напуганному? Чон До развернулся и ударил его ногой по голове; незнакомец рухнул.

Собака не унималась – от возбуждения или отчаяния. Она принялась скрести лапой возле хозяина, лежащего без сознания на песке, затем бросила мяч. Чон До хотел кинуть его, но не осмелился приблизиться к ее зубам. Он вдруг заметил, что собака больше не виляет хвостом. Что-то блеснуло в темноте – очки мужчины. Он надел их, и мутное свечение над дюнами превратилось в ясные очертания горящих окон. Оказалось, что японцы жили не в огромных домах-коробках, а в небольших зданиях.

Чон До спрятал очки в карман, затем взял мужчину за ноги и потащил его по песку. Собака рычала и злобно лаяла. Чон До обернулся через плечо и увидел, что она царапает мужчине лицо. Чон До опустил голову и потащил человека дальше. Первый день в туннеле несложно пережить, но когда просыпаешься на второй день, и сумрак сна сменяется настоящим мраком, вот тогда твои глаза должны открыться. Если не откроешь глаза, в голове возникнут самые нелепые образы, например будет казаться, что на тебя сзади нападает собака. А с открытыми глазами приходится мириться лишь с одним – с бессмысленностью своего существования.

Отыскав шлюпку в темноте, Чон До скинул в нее свой груз. Мужчина открыл глаза и огляделся, не понимая, что происходит.

– Что ты сделал с его лицом? – спросил Джил.

– Где ты был? – сказал Чон До. – Тяжелый попался.

– Я всего лишь переводчик, – ответил Джил.

Офицер Со похлопал Чон До по спине.

– Неплохо для сироты, – сказал он.

Чон До резко обернулся к нему.

– Я не сирота, черт подери, – возразил он. – Вы говорили, что делали это сотни раз. Но у нас нет никакого плана, я просто гнался за первым встречным. Вы даже не вылезли из лодки.

– Надо было проверить, чего ты стоишь, – сказал офицер Со. – В следующий раз будем действовать с умом.

– Следующего раза не будет, – огрызнулся Чон До.

Джил и Чон До развернули лодку навстречу волнам. Они боролись с приливом, пока офицер Со заводил мотор. Когда все четверо разместились в шлюпке и направились в открытое море, офицер Со сказал:

– Послушай, дальше будет легче. Не думай об этом. Я соврал, когда сказал, что похитил двадцать семь человек. Я никогда не считал. Просто забудь их, одного за другим. Хватаешь их руками, а потом мысленно отпускаешь. Это лучше, чем считать.

Даже сквозь шум мотора они слышали собаку на берегу. Они уплывали все дальше и дальше, но ее лай не утихал, и Чон До знал, что будет слышать его вечно.

* * *

Они остановились на базе Сонгун, недалеко от порта Кинджи. Ее окружали земляные бункеры зенитных ракет, и после захода солнца виднелись сигнальные огни пусковых установок, белеющие в лунном свете. Так как они побывали в Японии, их держали отдельно от остальных солдат Корейской народной армии. Их отвели в лазарет – небольшую комнату с шестью

койками. О том, что здесь размещался лазарет, говорили отдельный кабинет с инструментами для забора крови и старый китайский холодильник с красным крестом на двери.

Японца заперли в одном из карцеров во дворе для строевой подготовки, и Джил отправился туда тренировать свой японский через дырку в двери. Чон До и офицер Со, прислонившись к окну лазарета, курили одну сигарету на двоих и наблюдали, как Джил, сидя в грязи, отшлифовывает идиомы с человеком, которого помог похитить. Офицер Со покачал головой, словно устал от этого зрелища. В лазарете был один пациент, щуплый солдатик лет шестнадцати, – кожа да кости после голода. Он лежал на койке и скрежетал зубами. Из-за сигаретного дыма он кашлял. Они перенесли его койку в самый дальний угол комнаты, но он все равно не унимался.

Доктора не было. В лазарете держали больных солдат до тех пор, пока не убеждались в том, что они уже не поправятся. Если молодому солдату не станет лучше к утру, из него выкачают всю кровь для переливания. Чон До уже видел такое, и, как ему казалось, это лучший способ умереть. Всего несколько минут – сначала появляется сонливость, затем взгляд затуманивается, и даже если в конце человек начинает паниковать, это неважно, потому что говорить он уже не может, а перед тем как угаснуть, он кажется таким растерянным, словно сверчок, у которого оторвали усики.

Генератор в лагере отключили – постепенно свет потух, холодильник замолчал.

Офицер Со и Чон До легли на свои койки.

А японец? Он вывел собаку погулять. И исчез. Для людей, которые знали его, он исчез навсегда. Так же Чон До думал и о тех мальчишках, которых отбирали люди с китайским акцентом. Вот они здесь, а через минуту – их нет, они исчезли, как Бо Сон – растворились в неизвестности. Так он думал о большинстве людей, которые появляются в его жизни, как подкидыши, а потом исчезают, словно в бурном потоке. Но Бо Сон не исчез – либо он пошел на дно к рыбам, либо течение унесло его на север во Владивосток, он все же был где-то. И японец не исчез без следа – он в карцере, во дворе. И вдруг Чон До осенило, что его мать тоже где-то, в эту самую минуту, в какой-то квартире в столице, возможно, расчесывает свои волосы перед зеркалом, готовясь ко сну.

Впервые за многие годы Чон До закрыл глаза и воскресил в памяти ее лицо. Опасно вот так грезить о людях – они могут оказаться в туннеле рядом с тобой. Это часто случалось, когда он вспоминал мальчишек из приюта. Один промах – и кто-то из них уже шел рядом темноте. Он говорил что-то, спрашивал, почему не ты погиб от холода, почему не ты свалился в цистерну с краской, и каждую секунду тебе чудилось, что вот сейчас ты получишь удар ногой в лицо.

И вот появилась его мать. Она лежала здесь, прислушиваясь к вздрагиваниям солдата, он слышал ее голос. Она пела «Ариран»⁵ почти шепотом, будто доносившимся из небытия. Черт подери, даже приютские знают, где их родители.

Поздно ночью, спотыкаясь, вошел Джил. Он открыл холодильник, хотя это было запрещено, и положил что-то внутрь. Затем плюхнулся на свою койку. Джил спал, свесив с койки руки и ноги, и Чон До догадался, что в детстве у него была своя собственная кровать. Мгновенье спустя он уснул.

Чон До и офицер Со встали в темноте и подошли к холодильнику. Когда офицер Со потянул за ручку, на них пахнуло холодом. Возле стенки, за квадратными контейнерами с кровью, офицер Со нащупал наполовину пустую бутылку *соджу*⁶. Они быстро закрыли дверцу, потому что кровь предназначалась для отправки в Пхеньян, и если она испортится, им за всю жизнь не расплатиться.

---

⁵ «Ариран» – популярная народная песня в Корее, включена ЮНЕСКО в Список всемирного нематериального наследия человечества. – Прим. пер.

⁶ Соджу – корейская водка. – Прим. пер.

Они отошли с бутылкой к окну. Где-то далеко лаяли собаки в своих вольерах. На горизонте, над зенитными бункерами, лунный свет, отражаясь от океана, мягко освещал небо. За их спиной Джил бормотал что-то во сне.

Офицер Со глотнул из бутылки.

– Сомневаюсь, что старина Джил привык к пшеничным лепешкам и супу из сорго⁷.

– Откуда он взялся? – спросил Чон До.

– Забудь о нем, – ответил офицер Со. – Не знаю, зачем Пхеньяну понадобилось снова этим заниматься после стольких лет, но, надеюсь, мы избавимся от этого типа через неделю. Еще одно задание и, если все пройдет гладко, мы никогда больше его не увидим.

Сделав глоток, Чон До почувствовал жжение и резь в животе.

– Какое задание? – спросил он.

– Сначала еще одна тренировка, – сказал офицер Со. – Потом отправимся за особым объектом. Токийская опера проводит лето в Ниигата. Речь идет о сопрано. Ее зовут Румина.

Следующий глоток *соджу* пошел намного легче.

– Опера? – удивился Чон До.

Офицер Со пожал плечами.

– Наверное, какая-нибудь большая шишка из Пхеньяна услышала пиратскую запись и хочет заполучить ее.

– Джил говорил, что работал с наземными минами, – сказал Чон До. – И за это его отправили в языковую школу. Это правда? Действительно можно получить вознаграждение?

– Без Джила не обойтись, понимаешь? Но ты не слушай его. Слушай меня.

Чон До умолк.

– А что, ты хотел бы чего-то особенного? – спросил офицер Со. – Может, ты уже придумал, какое вознаграждение?

Чон До покачал головой.

– Тогда забудь об этом.

Офицер Со отошел в угол и присел над отхожим ведром. Прислонившись к стене, он долго напрягался. Ничего не получилось.

– В свое время я вытянул пару счастливых билетов, – сказал он. – Меня наградили. А теперь посмотри на меня. – Он покачал головой. – Вот самая большая награда для тебя: не становись таким, как я.

Чон До уставился на карцер.

– Что с ним будет?

– С тем парнем с собакой? – спросил офицер Со. – Скорее всего, за ним уже едут из Пхеньяна.

– Ясно, но все-таки что с ним будет?

Офицер Со сделал последнее усилие, чтобы облегчиться.

– Не задавай глупых вопросов, – процедил он сквозь зубы.

Чон До представил себе свою мать на поезде в Пхеньян.

– А в качестве награды можно попросить человека?

– Что, женщину? – поинтересовался офицер Со. – Да, это можно попросить.

Он вернулся и выпил почти все, оставив несколько капель на дне бутылки, которые вылил на губы умирающего солдата. Хлопнув мальчишку по груди на прощанье, он положил пустую бутылку ему под руку, мокрую от пота.

---

⁷ Сорго – хлебное, техническое и кормовое растение, ценная пищевая и кормовая культура для районов, в которых пшеница и другие основные зерновые культуры не произрастают, либо дают небольшие урожаи из-за засушливого климата. Из зерна сорго получают крупу и муку, кроме того, его зерном кормят свиней, коров, лошадей, домашних птиц. – *Прим. пер.*

* * *

Они реквизировали новую лодку и еще раз вышли в море. Над Цусимским проливом послышались сильные щелчки, словно удары в грудь, – это кашалоты охотились внизу. Когда они приблизились к острову Дого, из моря внезапно выступили гранитные столпы, белые сверху из-за птичьего помета и оранжевые снизу из-за огромного скопления морских звезд. Чон До устоял на северный выступ острова, покрытый вулканическим черным песком и поросший карликовыми елями. Это был мир, созданный ради себя самого, без идеи и смысла, земля, не посвященная ни одному великому лидеру.

На этом острове располагался популярный курорт, и офицер Со надеялся на то, что им удастся схватить одинокого туриста на пляже. Но когда они подплыли ближе, то увидели на воде черную надувную моторную лодку, в которой никого не было. Решив обследовать ее, они забрались в лодку. Офицер Со завел мотор и сразу заглушил его. Вытащив топливный бак из своей шлюпки, они погрузили ее в воду – шлюпку быстро затопило, тяжелый мотор утянул ее на дно.

– Теперь мы – настоящая команда, – сказал офицер Со, любуясь новой лодкой.

И тут из воды показался ныряльщик.

Сняв маску с лица, он удивленно уставился на троих незнакомцев, сидевших в его лодке, но все же протянул им мешок с морскими ушками и схватился за руку Джила, забираясь на борт. Ныряльщик был крупным и мускулистым.

Офицер Со повернулся к Джилу:

– Скажи, что наша лодка дала течь и утонула.

Джил заговорил с ныряльщиком, который махнул рукой и засмеялся.

– Я знаю, ваша лодка, – перевел Джил, – чуть не стукнула меня по голове.

Вдруг ныряльщик, заметив рыболовное судно невдалеке, мотнул головой в ту сторону.

Джил хлопнул его по спине и что-то сказал. Ныряльщик пристально посмотрел ему в глаза – и тут он запаниковал.

Как оказалось, ныряльщики за морскими ушками носят на щиколотке особый нож, и Чон До понадобилось немало времени, чтобы усмирить противника. Наконец, Чон До обхватил ныряльщика за спину, скрутил его ногами и сдал что было мочи.

Когда ныряльщик схватился за нож, Джил прыгнул за борт.

– Что ты сказал ему? – крикнул Чон До.

– Правду, – ответил Джил из воды.

Офицер Со получил довольно серьезную рану в предплечье. Он зажмурился от боли.

– Нужно еще потренироваться, – и больше ни слова.

* * *

Они заперли ныряльщика в трюме рыболовного судна, на котором прибыли сюда, и вновь направились к берегу в шлюпке. Неподалеку от города Фукура они притаились в своей лодке и стали ждать. Возле рыбацкого пирса Фукура располагался летний парк. Там висели яркие фонарики, и старики распевали песни под караоке на открытой сцене. Здесь, за линией прибоя, Чон До, Джил и офицер Со притаились, ожидая, когда погаснут неоновые огни аттракционов и смолкнет веселая музыка. Наконец в конце пирса появилась одинокая фигура. Заметив красный огонек сигареты, они решили, что это мужчина. Офицер Со завел мотор.

Они поплыли вдоль берега, словно прогуливаясь, и приблизились к возвышавшемуся над ними пирсу. Волны прибоя со всей силой обрушивались на его сваи, заливая пирс.

– Поговори с ним, – офицер Со повернулся к Джилу. – Скажи, что потерял щенка или что-то в этом роде. Подойди поближе. А потом толкни его через перила. Падать далеко, вода холодная. Когда он вынырнет, то постарается влезть в лодку.

Джил спрыгнул в воду, когда они подошли поближе.

– Понял, – сказал он. – Этот мой.

– Ну нет, – возразил офицер Со. – Вы пойдете оба.

– Да я серьезно, – убеждал Джил. – Справлюсь сам.

– Пошел, – приказал Чон До офицер Со. – И надень эти треклятые американские очки.

Вдвоем они преодолели волны прилива и выбрались на небольшую площадь. Тут стояли скамейки и закрытый чайный ларек. И не было ни одного памятника, поэтому было неясно, кому посвящалась эта площадь. На деревьях росли сливы – такие спелые, что кожица лопалась и сок тек по рукам. В это невозможно поверить. Какой-то оборванец спал на скамейке. Как это человек может спать там, где захочет?

Джил разглядывал дома вокруг площади. Они казались традиционными, с темными балками и черепичными крышами, но сразу видно, что новые.

– Хочу открыть все эти двери, – сказал он. – Посидеть в их креслах, послушать их музыку.

Чон До удивленно уставился на него.

– Ну, знаешь, – продолжал Джил, – просто посмотреть.

Туннели всегда заканчиваются лестницей, ведущей к кроличьей норе. Ребята из отряда Чон До соперничали за право выскользнуть наверх и побродить по Южной Корее. Они рассказывали о машинах, которые выдают деньги, и людях, которые подбирают экскременты за собаками и складывают их в пакетики. Чон До никогда туда не ходил. Он слышал, что там огромные телевизоры и столько риса, сколько не съесть и за всю жизнь. Но все же он не хотел ничего об этом знать: он боялся, что если увидит все это своими глазами, то его собственная жизнь потеряет смысл. Украсть репу у старика, ослепшего от голода, – ради чего? Послать вместо себя другого мальчишку, чтобы чистить цистерны на лакокрасочной фабрике, – ради чего?

Чон До выбросил недоеденную сливу.

– Я пробовал и лучше, – сказал он.

Они шли по дощатому пирсу, потемневшему от времени. Впереди, в конце пирса, они видели лицо, освещенное голубоватым свечением мобильного телефона.

– Просто скинь его вниз, – сказал Чон До.

Джил сделал глубокий вдох.

– Скинуть вниз, – повторил он.

На пирсе валялись пустые бутылки, окурки. Чон До спокойно шел впереди и чувствовал, что Джил старается подражать ему. Снизу доносилось хриплое клокотанье мотора. Человек впереди перестал разговаривать по телефону.

– *Дарэ?* – послышался голос. – *Дарэ нано?*

– Не отвечай, – шепнул Чон До.

– Это женский голос, – сказал Джил.

– Не отвечай, – повторил Чон До.

Капюшон пальто упал, открыв лицо молодой женщины.

– Я не гожусь для этого, – сказал Джил.

– Действуй по плану.

Их шаги казались неестественно громкими. Чон До подумал, что вот так же однажды кто-то пришел за его матерью, а теперь он один из них.

Потом они набросились на нее. Она была небольшого роста. Она открыла рот, словно хотела закричать, и Чон До увидел, как на ее зубах блеснули металлические брекеты. Они схватили ее за руки и затащили на перила.

– *Зензен оегэнайн дэсу,* – произнесла она.

Хотя Чон До не понимал японского, он знал, что это наивное, умоляющее признание, вроде: «Я девственница».

Они сбросили ее с перил. Она упала бесшумно, не проронив ни слова, даже не вздрогнув. Чон До заметил, как что-то блеснуло в ее глазах – не страх и не безразличие. Он понял, что она думает о родителях, которые никогда не узнают, что с ней стало.

Внизу раздался всплеск и послышался грохот мотора.

Чон До все еще видел этот взгляд.

На пирсе валялся ее телефон. Он поднял его и приложил к уху. Джил хотел было что-то сказать, но Чон До велел ему молчать.

– *Майюми*, – звал женский голос. – *Майюми*.

Чон До стал нажимать на кнопки, только бы телефон замолчал. Он свесился с перил, их лодка внизу качалась на волнах.

– Где она? – спросил Чон До.

Офицер Со разглядывал воду.

– Она утонула, – сказал он.

– Что значит – утонула?

– Она упала и исчезла, – развел руками офицер Со.

Чон До обернулся к Джилу.

– Что она сказала?

– Она сказала: «Я не умею плавать», – ответил Джил.

– «Я не умею плавать?», – переспросил Чон До. – Она сказала, что не умеет плавать, а ты не остановил меня?

– Скинуть ее с перил, таков был план. Ты велел действовать по плану.

Чон До снова вперил взгляд в темную воду, в этом месте, в конце пирса, было глубоко. Она там, внизу, ее большое пальто, словно парус, надулось в волнах, а тело перекачивается по песчаному дну.

Зазвонил телефон. Он засветился синим светом и завибрировал в руке Чон До. Они с Джиллом уставились на него. Джил взял телефон и прислушался с широко открытыми глазами. Чон До слышал даже на расстоянии, что это женский голос, голос матери.

– Выбрось его, – приказал Чон До. – Просто кинь в воду.

Джил слушал. Рука у него дрожала. Он несколько раз кивнул головой. Когда он сказал «Хай», Чон До схватил телефон и стал с силой нажимать на кнопки. Вдруг на экране появилась фотография малыша. Он выбросил телефон в море.

Чон До подошел к перилам.

– Как вы могли не рассчитать? – крикнул он офицеру Со. – Как вы могли не рассчитать?

* * *

На этом тренировка закончилась. Пора отправляться за оперной дивой. Офицер Со должен пересечь Японское море на рыбацком судне, а Чон До и Джил отплыть на ночном пароме из Чхонджина в Ниигата. В полночь, схватив певицу, они должны встретиться с офицером Со на берегу. Простота, как говорил офицер Со, – важнейшая часть плана.

Чон До и Джил сели на вечерний поезд – на север, в Чхонджин. На станции люди спали под грузовыми платформами в ожидании ночи, чтобы отправиться в Синийджу – откуда рукой подать до Китая, стоит лишь переплыть реку Туманган.

До порта Чхонджина они шли пешком, мимо металлургического завода, построенного в честь воссоединения корейского народа, его гигантские краны ржавели, кабельные линии, ведущие к печам, давно уже растащили на металлолом. Жилые дома пустовали, окна были заклеены обрывками бумаги. Белье не сушилось на веревках, а в воздухе не чувствовалось

аромата лука. Все деревья вырубili во время голода, и теперь, годы спустя, их побеги были одной высоты, стволы не толще щиколотки, стебельки торчали в самых неожиданных местах – в бочках для сбора дождевой воды, в водосточных канавах, одно дерево пробилось даже в сортире, где человек, напоминавший скелет, оставил вместе со своими испражнениями непевариваемое семя.

Они подошли к приюту «Завтрашний день», теперь он казался не больше лазарета.

Там остались лишь тени. Приют разобрали на дрова – даже дверные проемы сожгли. Остался только список 114 Великих Мучеников Революции, написанный на стене.

Джил не поверил, что Чон До дал имена всем сиротам.

– Ты действительно запомнил всех Мучеников? – спросил он. – Какой одиннадцатый?

– Ха Син, – ответил Чон До. – Когда его поймали, он отрезал себе язык, чтобы не выдать японцам важные сведения. Здесь был немой мальчик, я дал ему это имя.

Джил провел пальцем по списку.

– Вот и ты, – сказал он. – Мученик номер семьдесят шесть, Пак Чон До. А с ним что стало?

Чон До дотронулся до черного пятна на полу, где когда-то стояла печка.

– Хотя Пак Чон До убил много японских солдат, – начал он, – революционеры в его отряде не доверяли ему, потому что он не был чистокровным. Чтобы доказать свою верность, он повесился.

– Ты выбрал себе это имя? Почему? – уставился на него Джил.

– Он прошел высшую проверку на верность.

Комната Повелителя сирот показалась ему совсем крошечной. А от портрета измученной женщины на стене осталась лишь дырка от гвоздя.

– Ты здесь спал? – спросил Джил. – В комнате Повелителя сирот?

Чон До показал ему отверстие от гвоздя.

– Здесь висел портрет моей матери.

Джил осмотрел место.

– Да, здесь действительно был гвоздь, – сказал он. – Скажи мне, если ты жил со своим отцом, почему у тебя сиротское имя?

– Он не мог дать мне свое имя, – ответил Чон До, – иначе все узнали бы о его позоре – как ему приходится воспитывать своего сына. Но он был не в силах дать мне имя другого человека, даже Мученика. Мне самому пришлось выбирать.

Джил был озадачен.

– А твоя мать? – спросил он. – Как ее звали?

Они услышали далекий гудок парома «Манджионгбон-92».

– Если у моих проблем будет имя, разве это что-нибудь изменит? – ответил Чон До.

* * *

Той ночью Чон До стоял на темной корме корабля и смотрел на бурные волны внизу. *Румина* – это имя не выходило у него из головы. Он не слышал ее голоса и не пытался представить себе ее лицо. Он только думал, как бы она провела этот последний день, если бы знала, что он идет за ней.

Солнце уже поднялось высоко, когда они вошли в порт Бандайджима – на таможенных зданиях были вывешены иностранные флаги. На причале крупные суда, выкрашенные в голубой цвет гуманитарной помощи, загружали рисом. Чон До и Джил, одетые в рубашки-поло, джинсы и кроссовки, предъявили поддельные документы и спустились по трапу. Они направились в центр Ниигата. Было воскресенье.

Пока они шли к концертному залу, Чон До увидел, как по небу пролетел пассажирский самолет, оставляя белый шлейф за собой. Он вытаращил глаза и замер, запрокинув голову. Поразительно! Настолько поразительно, что он решил сделать вид, будто его ничего не удивляет – например, разноцветный светофор, регулирующий движение, или низкие автобусы, чтобы старикам было легче садиться. Конечно, парковочные автоматы разговаривали, а двери офисов открывались, когда они проходили мимо. Конечно, в ванной не было бочки с водой и ковша.

На утреннем представлении показали сцены из спектаклей, с которыми оперная труппа выступит в предстоящем сезоне, и все певцы по очереди исполняли небольшие арии. Джил, казалось, знал эти песни и мурлыкал их себе под нос. Румина – небольшого роста, широкоплечая – поднялась на сцену в платье цвета графита. Ее темные глаза блестели под прямой челкой. Чон До видел по ее лицу, что печаль ей знакома, и все же она не подозревала, что самые большие испытания ждут ее впереди, что этим вечером, когда стемнеет, ее жизнь превратится в оперу, а Чон До будет темной фигурой в конце первого акта, которая переносит героиню в страну скорби.

Она пела на итальянском, потом немецком и японском. Когда, наконец, она запела на корейском, стало понятно, почему Пхеньян выбрал ее. Прекрасная песня, и голос – как солнечный свет; она пела о двух влюбленных на озере – не о Дорогом Вожде или победе над империалистами, или о достижениях северокорейской фабрики. Она пела о девушке и юноше в лодке. О девушке в белом *чосоноте* и юноше с проникновенным взглядом.

Румина пела на корейском в платье цвета графита; с тем же успехом она могла петь о пауке, плетущем белую паутину, чтобы завладеть слушателями. Чон До и Джил бродили по улицам Ниигата, опутанные этой паутиной, притворяясь, что они вовсе не собираются похищать ее из театральной деревни. В голове Чон До звучала одна строчка – о том, что, добравшись до середины пруда, влюбленные решили дальше не грести.

Они ходили по городу, словно во сне, пока не стемнело. Особенно сильно Чон До поразила реклама. В Северной Корее не было рекламных объявлений, а здесь они размещались на автобусах и на видеозэкранах – обнимающиеся пары, грустный ребенок – он спросил Джила, что они означают, но оказалось, что речь шла об автостраховании и телефонных тарифах. В витринах они видели, как кореянки делают педикюр японкам. Для того чтобы развлечься, они бросили монетку в торговый автомат и получили пакет оранжевой еды, которую даже не попробовали.

Джил задержался возле витрины магазина, где продавалось снаряжение для подводного плавания. Его внимание привлекла огромная черная нейлоновая сумка для хранения оборудования для погружения. Продавец показал им, как в нее помещается все необходимое для подводного путешествия на двоих. Они купили ее.

Увидев в супермаркете человека, толкавшего перед собой тележку, они попросили одолжить ее, а он ответил, что они могут взять себе свою.

В магазине невозможно было догадаться, что находится в большинстве коробочек и пакетов. самого важного – редиски и каштанов – нигде не было видно. Джил купил широкий скотч и в отделе игрушек небольшой набор акварельных красок в жестяной коробочке. У него хоть есть кому покупать подарки.

Стемнело, витрины внезапно загорелись красно-синими неоновыми огнями, а окна зловеще подсвечивались снизу. Фары машин слепили Чон До глаза. Ему казалось, будто все смотрят на него. Где же комендантский час? Почему японцы не спят ночью, как все нормальные люди?

Они стояли перед баром, время еще было. Оттуда доносились говор и смех.

Джил достал оставшиеся иены.

– Нет смысла везти их обратно, – сказал он.

В баре он заказал два виски. Рядом с ними сидели две женщины. Джил заплатил и за их выпивку. Они улыбнулись в ответ и вернулись к своей беседе.

– Ты видел их зубы? – спросил Джил. – Такие белые и ровные, как у детей.

Когда Чон До заспорил, Джил сказал:

– Расслабься, ладно?

– Тебе легко говорить, – заметил Чон До. – Тебе не придется ни на кого набрасываться сегодня. Потом тащить ее через весь город. А если мы не найдем офицера Со на берегу...

– Как будто это самое плохое, – ответил Джил. – Здесь никто не замышляет побег в Северную Корею. Никто не собирается похищать людей с наших берегов.

– Такие разговоры ни к чему не ведут.

– Давай-ка, выпей, – сказал Джил. – Я засуну эту певичку в сумку. Не ты один можешь одолеть женщину. Это проще простого.

– Я разберусь с ней сам, – ответил Чон До. – Ты просто держись рядом.

– Я могу запихнуть ее в сумку, понял? – настаивал Джил. – Я могу толкать тележку. А ты лучше выпей, вряд ли когда-нибудь снова попадешь в Японию.

Джил попытался заговорить с японками, но они улыбнулись и больше не обращали на него внимания. Потом он предложил выпить барменше. Она подошла и поговорила с ним, пока наливала. У нее были узкие плечи, облегающая рубашка и совершенно черные волосы. Они выпили вместе, и он сказал что-то, от чего она рассмеялась. Когда она отошла к другим клиентам, Джил повернулся к Чон До.

– Если бы ты переспал с одной из этих девиц, – сказал он, – ты бы почувствовал, что она хочет этого; не как те женщины для утех, обслуживающие по девять солдат в день, или фабричные девчонки, которых выдают замуж, чтобы отделаться от них. Дома симпатичные девушки и глаз на тебя не поднимут. Нельзя даже чай с ней выпить, чтобы ее папаша не начал готовиться к свадьбе.

Симпатичные девушки? Чон До задумался.

– Все считают меня сиротой, это мое проклятье, – сказал он. – Но почему такой парень из Пхеньяна, как ты, занимается этой дерьмовой работой?

Джил заказал еще выпивку, хотя Чон До едва притронулся к своей.

– Этот приют явно повредил тебе мозги, – ответил Джил. – Если я не сморкаюсь в руку, это еще не значит, что я не деревенщина из Миохсуна. Забудь, что было. В Японии можно стать кем захочешь.

Возле бара остановился мотоцикл. Они увидели через окно, как его хозяин, припарковав свой мотоцикл рядом с другими, вытащил ключ из замка зажигания и спрятал его под бензобаком. Джил и Чон До переглянулись.

Джил отпил виски, подержал во рту, затем запрокинул голову и прополоскал рот.

– Ты не пьешь, как деревенщина.

– А ты не пьешь, как сирота.

– Я не сирота.

– Что ж, прекрасно, – сказал Джил. – Потому что все приютские в моем отряде мастерски умели воровать – сигареты, носки, *соджу*. Это же мерзко, когда кто-то крадет твой *соджу*. Они поглощали все, что могли, словно собаки, пожирающие своих щенков, и оставляли за собой крошечные шарики дерьма.

Чон До улыбнулся так, как улыбаются, чтобы усыпить бдительность человека перед нанесением удара.

Джил продолжал.

– А ты – славный малый. Верный, как тот парень из твоей истории про мучеников. Тебе не надо убеждать себя, кем был твой отец и кем была твоя мать. Ты можешь стать кем хочешь. Хотя бы эту ночь поживи другой жизнью. Забудь своего пьяницу и дырку от гвоздя в стене.

Чон До встал. Отступил на шаг назад, оставив нужное расстояние для удара в прыжке. Он закрыл глаза, почувствовал все, что его окружало, представил себе поворот бедра, взмах ноги, кручение стопы, рассекающей воздух. Чон До терпел это всю свою жизнь, ведь люди из нормальных семей не в состоянии понять, что человек может настолько сильно страдать, что он не в состоянии признать собственного сына, что нет ничего хуже матери, бросившей своего ребенка, хотя такое случается сплошь и рядом, что слово «взять» люди относят к тем, кому практически нечего дать.

Когда Чон До открыл глаза, Джил внезапно понял, что ему грозит.

Он чуть не поперхнулся.

– Притормози-ка, приятель, – сказал он. – Извини, ладно? Я из большой семьи и ничего не знаю про сиротство. Пора идти, нас ждет работа.

– Ладно, – согласился Чон До. – Посмотрим, как вы там в Пхеньяне умеете обращаться с симпатичными девушками.

* * *

За концертным залом располагалась театральная деревня – несколько домиков вокруг теплого источника в центре. Ручеек горячей воды, вытекавший из купальни, бежал по голым побелевшим камням к морю.

Они спрятали тележку, затем Чон До помог Джилу перебраться через забор. Когда Джил подошел к железным воротам, чтобы открыть их изнутри, он на мгновение замер, и они уставились друг на друга через решетки, прежде чем Джил поднял запор и впустил Чон До.

Крошечные пучки света освещали мощеную плиткой дорожку, ведущую к коттеджу Румины. Темно-зеленые и белые магнолии заслоняли звезды. В воздухе чувствовался аромат кедровой хвои, пахло морем. Чон До оторвал два куска скотча и прилепил их на рукав Джила.

– Вот так, – шепнул Чон До, – их будет легче достать.

Джил был взволнован и настроен скептически.

– И что, мы вот так просто ворвемся туда? – спросил он.

– Я открою дверь, – сказал Чон До. – А ты заклеишь ей рот скотчем.

Чон До выбрал крупный кусок плитки с дорожки и понес его к двери. Он прислонил его к ручке и навалился на него. Дверь распахнулась. Джил кинулся к женщине, сидевшей на постели перед телевизором. Чон До наблюдал с порога, как Джил заклеивал ей рот, но женщина стала сопротивляться. Завязалась борьба. Она выдрала ему клочок волос. Схватив его за воротник, она попыталась вырваться. Наконец, он сжал ее шею, и они свалились на пол. Он так придавил ее своим телом, что она от боли поджала ноги. Чон До долго смотрел на пальцы ее ног: ногти были ярко-красными.

Сначала Чон До хотелось, чтобы он *схватил ее, стиснул покрепче*, но затем его стало мутить. Когда те двое катались по полу, Чон До заметил, что она описалась, и вся дикость и грубость происходящего вдруг поразили его. Джилу, наконец, удалось усмирить ее, он обмотал скотчем ее запястья и щиколотки, и теперь она стояла на коленях. Он достал сумку и потянул за молнию. Когда Джил распахнул сумку, ее глаза – широкие и влажные – заволочло пеленой, и она вся обмякла. Чон До снял очки, и среди расплывчатых, мутных очертаний ему стало легче.

Он вышел наружу и глубоко вдохнул. Ему было слышно, как Джил запикивал ее в сумку. Звезды над морем, туманные и размытые теперь, напомнили, каким свободным он себя чувствовал в ту первую ночь в Японском море, как хорошо ему было на корабле, почти как дома. Вернувшись в комнату, он увидел, что Джил застегнул сумку на молнию почти до конца, так что виднелось только лицо Румины, ее ноздри раздувались, жадно вдыхая воздух. Джил стоял над ней, уставший, но с улыбкой на лице. Он провел рукой по своим джинсам, в паху, чтобы

показать ей, как он возбудился. Увидев округлившиеся от ужаса глаза, он закрыл молнию до конца.

Они стали рыться в ее вещах. Джил сунул в карман иены и ожерелье из красно-белых камней. Чон До не знал, что хватать. На столе были склянки с лекарствами, косметика, пачка семейных фотографий. Когда его взгляд упал на графитовое платье, он сдернул его с вешалки.

– Какого черта ты делаешь? – спросил Джил.

– Не знаю, – ответил Чон До.

Под тяжестью груза тележка дребезжала на каждом повороте. Они шли молча. Исцарапанный Джил в разодранной рубашке выглядел так, словно на нем размазался грим. На плечи, где были выдраны волосы, выступила сукровица. По краям дорожки колеса смешно вертелись, грозя опрокинуть тележку и вывалить груз на мостовую.

На улице лежал строительный картон. У водосточных канав посудомойки поливали из шланга кухонные коврики. Мимо промчался пустой автобус, светясь окнами. Возле парка мужчина выгуливал большую белую собаку, которая замерла на месте и впиалась в них глазами. Иногда сумка изгибалась, затем затихала. На углу Джил велел Чон До повернуть налево, и там, спустившись по крутому холму, можно пройти через парковку на берег.

– Посмотрю, нет ли «хвоста», – сказал Джил.

Тележка словно хотела вырваться, и Чон До крепко сжал ручку.

– Хорошо, – ответил он.

За его спиной послышался голос Джила:

– Я нес чепуху тогда, в баре. Не знаю, каково это – когда твои родители умерли или отказалась от тебя. Я был неправ, теперь я это понимаю.

– Ничего страшного, – сказал Чон До. – Я не сирота.

– Расскажи, когда ты последний раз видел отца, – снова заговорил Джил.

Тележка все пыталась выскользнуть у него из рук, поэтому Чон До приходилось тормозить ее ногами.

– Ну, никакой прощальной вечеринки не было.

Тележка накренилась вперед, протащив за собой Чон До несколько метров, пока ему не удалось остановить ее.

– Я оставался в приюте дольше всех – меня никогда не усыновляли, отец не собирался отдавать своего единственного сына. Так вот в тот вечер он пришел ко мне, мы сожгли наши кровати, поэтому я лежал на полу, – Джил, помоги-ка мне.

Внезапно тележка вырвалась и понеслась. Чон До споткнулся, когда она выскользнула у него из рук и загремела вниз по склону.

– Джил! – крикнул он, глядя ей вслед.

Тележка тряслась и виляла, пересекая парковку, а затем врезалась в дальний бордюр, подскочила высоко в воздухе, сумку вышвырнуло на темный песок.

Он обернулся, но Джила нигде не было.

Чон До побежал по песку, мимо сумки, принявшей причудливую форму. Спустившись к воде, он стал высматривать в волнах лодку с офицером Со, но ничего не увидел. Он пошарил по карманам – карты нет, часов нет, фонарика тоже. Упершись руками в колени, он старался перевести дыхание. Мимо него, словно облако, пролетело графитовое платье, раздуваясь и опадая на ветру, прошелестело по песку, а затем исчезло в ночи.

Он вернулся к сумке, перевернул ее и приоткрыл молнию. Его обдало жаром. Он сорвал скотч с ее лица, исцарапанного и ободранного. Она заговорила с ним по-японски.

– Я не понимаю, – сказал он.

– Слава Богу, вы спасли меня, – произнесла она по-корейски.

Он взгляделся в ее лицо. Все в ссадинах, опухшее.

– Какой-то психопат засунул меня сюда, – сказала она. – Слава Богу, вы появились, я уже думала, что погибну, а вы освободили меня.

Чон До снова огляделся в поисках Джила, хотя знал, что он не появится.

– Спасибо, что вызволили меня, – сказала она. – Правда, спасибо вам, что освободили меня.

Чон До пощупал скотч, он уже не был таким липким. Ее локон прилип к нему. Чон До пустил его по ветру.

– Боже мой, – произнесла она. – Вы один из них.

Песок, подхваченный ветром, засыпал сумку и попал ей в глаза.

– Поверьте, – сказал он. – Я знаю, что вы сейчас чувствуете.

– Не делайте этого, – прошептала она. – В вас есть что-то хорошее, я вижу. Отпустите меня, и я спою вам. Вы не представляете, как я умею петь.

– Ваша песня не дает мне покоя, – сказал он. – О парне, который перестает грести посредине озера.

– Это только одна ария, – заметила она. – Из целой оперы, там много сюжетных линий, неожиданных поворотов и предательств.

Чон До наклонился ближе.

– Тот парень остановился потому, что спас девушку, а на берегу ему придется отдать ее своему господину? Или он похитил девушку и знает, что его ждет наказание?

– Это любовная история, – сказала она.

– Я понимаю. Но почему он это сделал? Может, знал, что его отправят в трудовой лагерь? – спросил он.

Она впиалась глазами в его лицо, словно *он* знал ответ.

– Как все закончится? – спросил он. – Что с ними станет?

– Выпусти, и я расскажу, – попросила она. – Открой сумку, и я спою тебе концовку.

Чон До взялся за молнию и закрыл ее. Он обратился к тому месту за черным нейлоном, где было ее лицо.

– Не закрывайте глаза, – предупредил он. – Я знаю, смотреть не на что, но, что бы ни случилось, не закрывайте глаза. Темнота и замкнутое пространство – вам не враги.

Он потащил сумку к воде. Море, пенистое и холодное, намочило его кроссовки, пока он искал в волнах лодку с офицером Со. Когда волны докатились до самого песка и дотянулись до сумки, она закричала – он никогда не слышал такого вопля. С дальнего конца берега на него упал луч света. Офицер Со услышал крик. Он подплыл ближе, и они вдвоем затащили сумку в лодку.

– Где Джил? – спросил офицер Со.

– Джил исчез, – ответил Чон До. – Он был рядом со мной, а потом испарился.

Они стояли по колено в воде, удерживая лодку. Огни города отражались в глазах офицера Со.

– Ты знаешь, что произошло с другими офицерами? – спросил он. – Нас было четверо. А остался я один. Остальные попали в Тюрьму номер девять – слышал о таком месте, человек из туннеля? Вся тюрьма – под землей. Это шахта, и тот, кто туда попадет, больше никогда не увидит солнца.

– Слушайте, можете пугать меня сколько хотите, но это ничего не изменит. Я не знаю, где он.

Офицер Со не унимался:

– Там железные ворота, ведущие в шахту. Как только ты пройдешь их, все кончено – внутри нет ни охранников, ни врачей, ни столовой, ни туалетов. Просто долбишь в темноте, а когда найдешь немного руды, тащишь ее на поверхность, чтобы обменять на еду, свечи и кирки. Даже тела оттуда не выносят.

– Он может быть где угодно, – ответил Чон До. – Он же говорит по-японски.

Из сумки донесся голос Румины.

– Я могу помочь, – сказала она. – Я знаю Ниигата, как свои пять пальцев. Выпустите меня, и, клянусь, я найду его.

Они не обратили на нее внимания.

– Кто он такой? – спросил Чон До.

– Избалованный сын какого-то министра, – ответил офицер Со. – Так мне сказали. Папаша отправил его сюда, чтобы сделать из него мужчину. Ну, знаешь – сын героя всегда размазня.

Чон До повернулся и взглянул на огни Ниигата.

Офицер Со положил руку ему на плечо.

– Ты солдат, – сказал он. – Когда приходит время кем-то жертвовать, ты первый попадаешь под раздачу.

Он снял ремешок с сумки и сделал петлю на одном конце.

– Джил затянул петлю на нашей шее. Теперь его очередь.

* * *

Чон До шел мимо складских помещений на удивление спокойный. Луна отражалась абсолютно одинаково в каждой луже; перед ним остановился автобус, водитель взглянул на него и не стал просить плату.

Автобус был пустой, если не считать двух старых корейцев в черном. Они все еще носили белые бумажные шляпы. Чон До заговорил с ними, но они покачали головами.

Без мотоцикла отыскать Джилу в этом городе невозможно. Но тот, если хоть что-то соображал, давно уже должен был уехать на этом мотоцикле. Когда Чон До, наконец, повернул за угол и подошел к бару, где они пили виски, он заметил черный мотоцикл, блеснувший на обочине. Перекинув ногу через сиденье, он взялся за руль. Но ключа под бензобаком не было. Он обернулся к бару и через окно увидел Джилу, болтающего с барменшей.

Чон До сел рядом с Джиллом, который сосредоточенно что-то рисовал. Возле него лежала раскрытая коробочка акварельных красок. Джил окунал кисточку в стакан с водой фиолетово-зеленого цвета. Он рисовал пейзаж с бамбуковыми зарослями и тропинками, бегущими через каменистые поля. Джил взглянул на Чон До, затем окунул кисточку в воду и провел ею по желтой краске, чтобы выделить поярче бамбуковые стебли.

– Какой же ты тупой, – сказал ему Чон До.

– Это ты тупой, – ответил Джил. – Певица – у вас, зачем возвращаться за мной?

– А я вот вернулся, – сказал Чон До. – Давай ключи.

Ключи от мотоцикла лежали на барной стойке, и Джил бросил их ему.

Затем он покрутил пальцами в воздухе, чтобы ему налили еще. Подошла барменша. На ней было ожерелье Румины. Джил заговорил с ней, затем достал половину оставшихся денег и протянул их Чон До.

– Я сказал ей, что теперь платишь ты, – шепнул Джил.

Барменша налила три стакана виски, потом сказала что-то, что рассмешило Джилу.

– Что она сказала? – спросил Чон До.

– Она сказала, что ты кажешься очень сильным, жаль, что трус.

Чон До посмотрел на Джилу. Тот пожал плечами.

– Ну, может, я ей сказал, что мы с тобой подрались из-за девчонки. И я одолел бы тебя, если бы ты не выдрал мне волосы.

– Ты все еще можешь выпутаться из этого. Мы ничего не скажем. Клянусь. Мы просто вернемся, как будто ты никуда не сбегал, – проговорил Чон До.

– А что, похоже, что я куда-то бегу? – спросил Джил. – К тому же, я не могу бросить свою девушку.

Он протянул ей рисунок, и она повесила его на стену рядом с еще одним творением, сияя своим красно-белым ожерельем. Прищурившись, Чон До вдруг понял, что Джил нарисовал не пейзаж, а покрытую буйной растительностью карту минного поля.

– Значит – ты бывал на минном поле, – сказал он.

– Мать отправила меня в Мансудэ⁸ изучать живопись, – сказал Джил. – Но отец решил, что минные поля сделают из меня мужчину, и нажал на кое-какие рычаги. – Джил усмехнулся при мысли о том, что надо пускать в ход связи, чтобы твоего сына отправили на верную смерть. – А я научился рисовать карты, вместо того чтобы отмечать на них мины.

Говоря об этом, он принялся за следующий рисунок – женщина с открытым ртом, освещенная снизу так, что ее глаза казались темными. Похожа на Румину, хотя невозможно было понять, поет она – страстно и напряженно или кричит перед смертью.

– Скажи ей, что ты выпьешь еще один, последний стакан, – сказал Чон До, протягивая барменше все иены.

– Мне очень жаль, – ответил Джил. – Действительно жаль. Но я никуда не пойду. Считаю оперную певицу подарком и передавай ей привет.

– Это твой отец хотел заполучить ее, поэтому мы здесь?

Джил не ответил. Он стал рисовать портрет – себя с Чон До, и каждый держит большой палец вверх. На лицах – показные, фальшивые улыбки. Чон До не дал ему закончить.

– Пойдем, – приказал он. – Ты ведь не хочешь опоздать на караоке в Янгакдо или где вы там, избранные, развлекаетесь.

Джил не шелохнулся. Он вырисовывал мускулы на руках Чон До, делая их слишком выпуклыми, как у обезьяны.

– Действительно, – сказал Джил. – Я пробовал говядину, ел мясо страуса. Я видел «Титаник» и заходил в Интернет уже раз десять. Да, есть у нас и караоке. Каждую неделю там пустует стол, за которым собиралась одна семья, но ее больше нет, они исчезли бесследно, и песни, которые они пели, исчезли из автомата.

– Обещаю тебе, – сказал Чон До. – Вернись, и никто никогда не узнает.

– Вопрос не в том, пойду я с тобой или нет, – сказал Джил. – А в том, почему ты не идешь со мной.

Если бы Чон До хотел сбежать, он мог бы сделать это сотни раз. В конце туннеля достаточно только подняться по лестнице и потянуть дверь на пружине.

– Во всей этой мерзкой стране, – ответил Чон До, – единственное, что имело для меня какой-то смысл, – это корейские девушки, чистящие ноги японкам, стоя на коленях.

– Я могу отвезти тебя в посольство Южной Кореи завтра же. Туда поезд идет. Через шесть недель будешь в Сеуле. Ты им очень понадобишься, настоящая находка.

– Но твоя мать, твой отец, – сказал Чон До. – Их же отправят в лагерь.

– Неважно, как ты поешь караоке, все равно когда-нибудь выпадет твой номер. Это лишь вопрос времени.

– А как же офицер Со? Разве дорогой виски поможет тебе забыть, что он долбит руду в темноте, в Тюрьме 9?

– Из-за него и надо бежать оттуда, – возразил Джил, – чтобы не стать таким, как он.

– Что ж, он просил передать тебе привет, – сказал Чон До, накидывая нейлоновую петлю на шею Джилу и затягивая ее.

Джил опустил стакан с виски.

– Я всего лишь человек, – произнес он. – Просто никто, который хочет исчезнуть.

---

⁸ Мансудэ – творческое объединение в Пхеньяне. – Прим. пер.

Барменша увидела ремень. Прикрыв рот рукой, она прошептала: «*Хомо джанай*».

– Думаю, это переводить не нужно, – сказал Джил.

Чон До дернул ремень, и они оба встали.

Джил захлопнул коробочку с красками и поклонился барменше.

– *Соусенджин ни турсарареру йо*, – сказал он ей.

Она сфотографировала их на свой телефон, а затем налила себе выпить и подняла стакан за Джилу, прежде чем осушить его.

– Гребаные японцы, – сказал Джил. – Как их не любить! Я сказал, что меня похищают в Северную Корею, а ты посмотри на нее.

– Да, посмотри хорошенько, – сказал Чон До и взял ключ от мотоцикла с барной стойки.

* * *

Они пересекли берег и въехали прямо в волны, вздымаемые ветром, – черная лодка то поднималась, то стремительно опускалась, словно в пропасть. Все держались за спасательный трос, закрепленный по бортам, чтобы не свалиться в воду. Румина сидела на носу, руки связаны новым скотчем. Офицер Со накинул ей на плечи свою куртку – только это укрывало ее голое, посиневшее от холода тело.

Чон До и Джил сели на противоположные стороны лодки, но Джил не смотрел на него. Когда они вышли в открытое море, офицер Со приглушил мотор, чтобы услышать Чон До.

– Я дал ему слово, – сказал он офицеру Со. – Я обещал, что мы забудем, как он пытался бежать.

Румина сидела спиной к ветру, трепавшему ее волосы.

– Посадите его в сумку, – предложила она.

Офицер Со расхохотался.

– Наша оперная дива права, – заметил он. – Ты поймал дезертира, сынок. Он приставил ружье к нашей голове. Но не смог нас перехитрить. Скоро ты получишь свою награду, – сказала он. – Можешь уже предвкушать.

Мысль о награде, о том, чтобы отыскать мать и избавить ее от мучений в Пхеньяне, вызвала у него тошноту. В туннелях они иногда натыкались на газовую завесу. Ее невозможно обнаружить – просто начинается головная боль, и перед глазами мелькают красные точки. Он почувствовал это сейчас, под пристальным взглядом Румины. Ему вдруг показалось, что она имела в виду его, чтобы Чон До посадили в сумку. Но ведь не он избил ее и скрутил. И не его отец приказал похитить ее. Да и какой у него был выбор?

Не его вина, что он вырос в городке, где не хватало электричества, тепла и топлива, где фабрики стояли без дела, где трудоспособные мужчины либо находились в лагерях, либо умирали от голода, безразличные ко всему. Не его вина, что все мальчишки под его опекой умирали от голода, холода и одиночества, даже не надеясь, что когда-нибудь их возьмут тюремщиками или запишут в отряд самоубийц.

Петля все еще висела на шее Джилу. Ради смеха офицер Со нагнулся и рванул ее изо всех сил, чтобы затянуть потуже.

– Я бы скинул тебя за борт, – сказал он. – Но тогда я не увижу, что они с тобой сделают.

Джил вздрогнул от боли.

– Чон До теперь знает, как это делается, – заметил он. – Этот парень займет ваше место, а вас отправят в лагерь, чтобы вы не болтали обо всем этом.

– Ты ничего не знаешь, – ответил офицер Со. – Ты изнежен и слаб. Я придумал эту игру, черт возьми. Я похитил личного суши-повара Ким Чен Ира. Я вырвал личного врача нашего Дорогого Вождя прямо из больницы в Осаке, среди бела дня, вот этими руками.

– Вы не понимаете, что такое Пхеньян, – настаивал Джил. – Как только другие министры увидят ее, им всем захочется иметь собственных оперных певиц.

Холодные белые брызги обдали их. Румина жадно вдохнула воздух, словно любая мелочь могла лишить ее жизни. Она обернулась к Чон До, сверкнув глазами, собираясь что-то сказать, слово вот-вот слетит с ее губ.

Чон До достал американские очки. Надев их, он увидел синяки у нее на шее, распухшие и побагровевшие запястья, стянутые скотчем. Он заметил обручальное кольцо и шрам от кесарева сечения. Она продолжала буравить его взглядом. Ее глаза – они видели решения, которые он принимал. Они видели, что именно Чон До выбирал, кто из сирот будет есть первым, а кому достанутся жалкие остатки. Они видели, что это он решал, кому спать рядом с печкой, а кому – в коридоре, где бродила чума. Он отбирал мальчишек на завод, где те ослепли от электропечи в плавильном цехе. Он отбирал мальчишек, которых отправили на химзавод, когда небо пожелтело. Он отправил Ха Шина, немого мальчика, не способного отказать, чистить цистерны на лакокрасочной фабрике. Именно Чон До вложил багор в руки Бо Сона.

– Разве у меня был выбор? – спросил он ее. Ему правда надо было это узнать, так же как судьбу тех юноши и девушки из ее арии.

Она подняла ногу – в крошечной тьме блеснул красный лак на ногтях. Произнеся какое-то слово, она ударила его ногой в лицо.

Кровь потекла по его рубашке – по рубашке того парня, которого они похитили с берега. Ноготь на большом пальце рассек ему десну, но это ничего – ему стало лучше, теперь он понял слово, которое замерло тогда у нее на губах. Не надо говорить по-японски, чтобы понять слово «смерть». Так заканчивалась и опера, он был уверен. Вот что случилось с юношей и девушкой в лодке. На самом деле их история не была печальной. Это была любовная история – юноша и девушка, по крайней мере, знали свою судьбу, и они никогда не будут одиноки.

Впереди их ждали новые похищения – год за годом. Была престарелая женщина, на которую они напали на берегу острова Нишино. Она закатала штаны и смотрела в фотоаппарат, установленный на трех деревянных ножках. У нее были седые, растрепанные волосы, и она пошла с ними, не сопротивляясь, – в обмен на портрет Чон До. Был японский климатолог, которого они отыскивали на айсберге в проливе Цугару. Они забрали все его научное снаряжение и красный каяк. Был и фермер на рисовом поле, инженер, проектирующий дамбы, и женщина, которая призналась, что пришла на берег утопиться.

А потом похищения прекратились – так же неожиданно, как и начались. Чон До направили в языковую школу, где он должен был целый год учить английский. Он спросил дежурного офицера, считается ли новое назначение вознаграждением за то, что он не позволил сыну министра сбежать. Офицер взял старую военную форму Чон До, его книжку с карточкой на алкогольные напитки и купоном на проститутку. Увидев, что книжка заполнена почти до конца, он улыбнулся. «Конечно», – сказал он.

Маджон-ни, в горах Онджин, оказался намного холоднее Чхонджина. Чон До радовался, что приходилось носить голубые наушники, потому что они заглушали бесконечный грохот танковых учений расположенной здесь Девятой механизированной роты. В школе никто не горел желанием учить Чон До английскому. Он просто транскрибировал, учил слова и грамматику по записям в наушниках, а затем печатал все это – буква за буквой – на пишущей машинке. «*I would like to purchase a puppy*», – говорил женский голос в наушниках, и Чон До печатал это. Под конец в школе появился настоящий учитель – печальный человек, склонный к депрессии, которого Пхеньян вызвал из Африки. Он не говорил по-корейски и постоянно задавал ученикам мудреные вопросы, на которые невозможно было ответить, что помогло им мастерски овладеть вопросительными предложениями.

Целый год Чон До удавалось избегать ядовитых змей, занятий по самокритике и столбняка, который поражал солдат почти каждую неделю. Начинался он вполне безобидно – поцарапался о колючую проволоку, порежешься о край жестяной банки, а потом поднимается температура, начинается дрожь и, наконец, происходит спазм мышц, после которого тело становится скрюченным и одеревеневшим настолько, что его невозможно положить в гроб. За такие достижения Чон До получил в награду пост радиста на борту рыболовного судна «Чонма», для прослушивания военных сообщений в Восточном море. Его разместили в кормовом трюме, в стальной комнате, где помещались только стол, стул, пишущая машинка и радиоприемники, выкраденные с затонувших во время войны американских самолетов. Трюм освещался только зеленоватым свечением прослушивающего оборудования, которое отражалось в сочившейся из-под двери воде, отчего пол всегда был скользким. Даже после трех месяцев пребывания на корабле Чон До не мог не представлять себе того, что находится по другую сторону этих металлических стен: помещения с плотно уложенной рыбой, жадно глотающей воздух в ледяном сумраке.

Они пробыли в международных водах семь дней, опустив северокорейский флаг, чтобы не нарваться на неприятности. Сначала гнались за глубоководной макрелью, затем за косяками пугливой скумбрии, которая поднималась на поверхность в редких лучах солнца. А теперь охотились на акул. Всю ночь «Чонма» преследовала акул, закинув ярус с сотнями крючков на краю морской впадины, а на рассвете Чон До услышал скрежет лебедки и шлепки – акул поднимали из воды и бросали на палубу.

От заката до рассвета Чон До прослушивал повседневные радиосообщения: в основном их передавали рыболовецкие суда, паром, шедший из Уичи во Владивосток, и даже две американки, которые совершали кругосветное плаванье, – одна гребла ночью, другая днем, опровергая предположения команды о том, что они направились в Восточное море, чтобы заняться друг с другом сексом.

В снастях «Чонма» скрывалась мощная решетчатая антенна, а над штурвалом – направленная антенна, вращающаяся на 360 градусов. США, Япония и Южная Корея – все они зашифровывали свои военные передачи, так что слышны были лишь обрывки слов и скрежет. Но сколько этого скрежета, откуда и когда – видимо, имело большое значение для Пхеньяна. Тщательно задокументировав это, Чон До мог слушать все, что хотел.

Команде корабля не нравилось его присутствие на борту. У него уютное имя, и всю ночь он стучит на своей пишущей машинке в кромешной тьме. Слово из-за человека, чья задача – распознавать и фиксировать любые признаки опасности, вся команда – молодые парни из порта Кинджи – тоже чувствовали в воздухе опасность. Да еще и капитан. У него были свои причины опасаться, и каждый раз, когда Чон До заставлял его менять курс, чтобы отследить необычные сигналы, ему приходилось сдерживать раздражение по поводу такого невезения – прослушки на борту. Только когда Чон До стал рассказывать команде о приключениях двух американок, совершающих кругосветное плаванье, отношение к нему изменилось.

Выполнив ежедневные обязанности по военной прослушке, Чон До бороздил радиоволны. Прокаженные посылали сообщения, и слепые тоже, и семьи заключенных в Маниле, которые передавали свои новости в тюрьмы, – весь день они проводили в очереди, чтобы рассказать о школьных оценках, детских зубках и новой работе. А доктор Рандеву каждый день делился своими эротическими фантазиями, называя координаты своей яхты. На Окинаве работала станция, сообщавшая внешние признаки людей, от которых отказались американские военные. Раз в день Китай передавал признания заключенных, и неважно, что признания были принудительные, ложные, да и звучали на языке, которого он не понимал. А потом появилась девушка, которая гребла в темноте. Каждую ночь она делала передышку, чтобы сообщить свои координаты, самочувствие и атмосферные условия. Часто она рассказывала о своих наблюде-

ниях – стаи птиц, мигрирующих по ночам, китовая акула, охотящаяся за мелкими рачками прямо под носом ее судна. Она говорила, что научилась видеть сны даже во время гребли.

Почему эти люди, говорящие на английском, посылают сообщения так, словно читают вслух свой собственный дневник? Если б корейцы так говорили, может, Чон До понял бы их намного лучше. Он бы понял тогда, почему одни люди безропотно принимают свою судьбу, а другие нет. Почему люди иногда обходят все приюты в поисках одного конкретного ребенка, хотя любой малыш сгодится. Почему все рыбаки «Чонма» сделали себе на груди татуировки с изображением жен, а он – сидит в наушниках в темном рыбном трюме на судне, которое каждый месяц двадцать семь дней проводит в море.

Не то чтобы он завидовал тем, кто греб днем. Свет, небо, вода – на все это не обращаешь внимания днем. А ночью именно это и пытаешься разглядеть. Вглядываешься в звезды, вглядываешься в темные волны и удивительный платиновый блеск их гребней. Днем никто не станет разглядывать кончик сигареты, и когда солнце светит в небе, кому придет в голову выставлять «дозорных»? А ночью на «Чонма» царили тишина и покой. У членов команды появлялся такой взгляд – одновременно отрешенный и обращенный внутрь. Скорее всего, на таком же рыбацком судне сидит еще один знаток английского языка, бесцельно прослушивающий радио с восхода до заката. Наверняка такой же неприметный дешифровщик, как он сам. Он слышал, что языковая школа, где действительно учили *говорить* по-английски, находится в Пхеньяне, и там учились *янбаны* – дети элиты, которые проходили военную подготовку как обязательное требование Партии, а затем отправлялись на дипломатическую стезю. Чон До представлял себе их патриотические имена и модную китайскую одежду, в которой они проводили время в столице, разучивая диалоги о том, как заказывать кофе и покупать иностранные лекарства.

Еще одна акула шлепнулась на палубу, и Чон До решил, что наступила ночь. Отключая оборудование, он услышал необычный сигнал: примерно раз в неделю он ловил сообщения на английском языке, четкие и короткие, всего несколько минут. В ту ночь у говоривших были американский и русский акценты, и, как обычно, он поймал их с середины разговора. Двое беседовали о траекториях, стыковочных маневрах и топливе. На прошлой неделе с ними был японец. Чон До потянул за рычаг, который медленно развернул направленную антенну, но куда бы он ни направлял ее, мощность сигнала оставалась прежней, – как это ни странно. Как сигнал мог идти отовсюду?

Внезапно сигнал исчез, но Чон До схватил УВЧ-приемник и ручную параболическую антенну и помчался на палубу. Это был старый советский корабль со стальным корпусом, сделанный специально для холодных вод, и благодаря своему заостренному высокому носу он нырял глубоко в волны и перелетал через впадины.

Чон До схватился за перила и направил тарелку в утренний туман, заволакивающий горизонт. Он поймал болтовню лоцманов с контейнерных кораблей, а ближе к Японии – советы для ремесленников вперемежку с христианскими передачами. На палубе была кровь, и военные ботинки Чон До оставили петляющий след до самой кормы, где удалось поймать только скрежет американской военно-морской шифровки. Он прочесал воздух и напал на тайваньского летчика, который жаловался на близость воздушного пространства КНДР. И все, сигнал исчез.

– Что-то случилось? – спросил капитан.

– Не уклоняйтесь от курса, – ответил Чон До.

Капитан кивнул в сторону направленной антенны над штурвалом, замаскированной под репродуктор.

– Эта ловит лучше, – сказал он.

Согласно договоренности, Чон До не должен был делать глупостей, например выносить шпионское оборудование на палубу. Капитан был намного старше него. Когда-то он был крупным мужчиной, но после пребывания в течение некоторого времени на русском штрафном корабле настолько похудел, что кожа висела на нем. Сразу видно, что когда-то он был отваж-

ным, напористым капитаном, отдававшим дальновидные приказы, даже тогда, когда им приходилось рыбачить в водах, оспариваемых Россией. А еще видно, что он был нестигаемым заключенным, упорно трудившимся, без жалоб и ошибок. А теперь он стал и тем и другим вместе.

Капитан предложил Чон До закурить, а затем вернулся к подсчету акул; он отщелкивал на счетах каждую рыбину, которую поднимали на лебедке. Когда акулу выхватывали из воды, ударяли о корпус судна и поднимали на лебедке, они висели на тросах над водой, оцепеневшие от нехватки кислорода. На палубе они двигались медленно, тыкаясь во все носом, словно слепые щенки, пасти у них открывались и закрывались, как будто им хотелось что-то сказать. Второму помощнику – молодому новичку – поручалось вытаскивать крючки, пока первый помощник семью быстрыми взмахами – от спинного плавника до хвоста – срезал плавники, а затем сбрасывал акулу обратно в воду, где она, лишенная возможности передвигаться, исчезала в темных глубинах, оставляя за собой тонкий кровавый след.

Чон До смотрел, как одна из них опускается на дно, направив на нее свою параболическую антенну. Вода, захлестнув жабры акулы, пробуждала ее мозг и возвращала ощущения. Они теперь были над впадиной, почти четыре километра в глубину, полчаса свободного падения, и в наушниках фоновое шипение бездны походило на жуткий треск и хруст, словно что-то сдавливалось. Там, внизу, нечего было слушать – все подводные лодки общались на сверхнизких частотах. Все же он направил антенну на волны и медленно провел от носа к корме. Сигнал должен же откуда-то идти. Как он может появляться сразу отовсюду, если не идет снизу? Чон До чувствовал на себе взгляды команды.

– Ты что-то нашел там внизу? – спросил машинист.

– Вообще-то, – сказал Чон До, – я кое-что потерял.

Когда забрезжил рассвет, Чон До отправился спать, пока команда – лоцман, машинист, первый помощник, второй помощник и сам капитан – весь день упаковывали акулы плавники, пересыпая их солью и льдом. Китайцы платили твердой валютой, так что плавникам уделяли особое внимание.

Чон До проснулся перед ужином, для него это было время завтрака. Ему предстояло еще напечатать отчеты до того, как стемнеет. На «Чонма» был пожар, спаливший камбуз, нос и половину коек, оставив только жестяные тарелки, обуглившееся зеркало и туалет, который развалился надвое от нагрева. Но печка все еще работала, к тому же было лето, так что все уселись поесть на люках, откуда они могли наблюдать совершенно необычный закат. На горизонте показались авианосцы американского морского флота – настолько огромные, что, казалось, они не в состоянии двигаться, не говоря о том, чтобы держаться на поверхности. Это походило на цепь островов, столь неподвижную и древнюю, что на них появился собственный народ, язык и боги.

На ярусе они поймали морского окуня, которого частично съели сырым прямо на месте, и черепаху – неожиданный улов. Черепаху придется тушить целый день, а вот рыбу запекли целиком и вытаскивали косточки пальцами. Еще попался кальмар, но капитан не терпел их на борту. Он много раз рассказывал им про кальмаров. Он считал осьминогов самыми умными существами в океане, а кальмаров – самыми свирепыми.

Рыбаки сняли рубашки и закурили, греясь на закате солнца. Никто не управлял судном, неторопливо шедшим по волнам, буйки перекатывались по палубе, а канаты казались оранжевыми в отсветах печи. Жизнь рыбака хороша – нет бесконечных норм выработки, как на фабриках, никаких репродукторов, трубящих правительственные отчеты весь день. Тут есть еда. И хотя команда не одобряла присутствия на борту офицера прослушки, это означало, что у «Чонма» будет полно топлива, а если Чон До направит корабль туда, где меньше улова, все они получат дополнительные продовольственные карточки.

– Итак, третий помощник, – обратился к Чон До лоцман. – Как поживают наши девочки?

Так они иногда в шутку называли Чон До третьим помощником.

– Они приближаются к Хоккайдо, – сказал Чон До. – По крайней мере, вчера ночью они были там. Они гребут по тридцать километров в день.

– Они еще голые? – спросил машинист.

– Только та, что гребет по ночам, – ответил Чон До.

– Плыть вокруг света, – сказал второй помощник. – Только симпатичные женщины пошли бы на это. Это так бессмысленно и высокомерно. Только симпатичные американские женщины считают, что мир нужно завоевать.

Второму помощнику было не больше двадцати. На груди – еще совсем свежая татуировка жены, и сразу было видно, что она красавица.

– Кто сказал, что они симпатичные? – спросил Чон До, хотя тоже представлял их себе такими.

– Я знаю, – сказал второй помощник. – Симпатичная девушка считает, что ей все по плечу. Поверь мне, я вижу это каждый день.

– Если твоя жена такая замечательная, – спросил машинист, – почему ее не увезли в Пхеньян?

– Все просто, – ответил второй помощник. – Ее отец совсем не хотел, чтобы она стала официанткой или шлюхой в Пхеньяне, поэтому он использовал свои связи и нашел ей место на рыбном заводе. Такая красавица, и тут появляюсь я.

– Поверю, когда увижу, – сказал первый помощник. – Почему-то она никогда не провожает тебя.

– Не все сразу, – ответил второй помощник. – Она еще не привыкла. Дай ей время.

– Хоккайдо, – произнес лоцман. – Лед здесь страшнее летом. Шельфы раскалываются, течение перемалывает их. Лед, которого не видно, – вот что опасно.

Заговорил капитан. Без рубашки были видны все его русские татуировки. Они казались такими тяжелыми в косых отсветах, словно это из-за них обвисла кожа.

– Там зима, – сказал он. – Все замерзает. Моча в ваших стручках и рыбная косточка в бороде. Хочешь положить нож и уже не можешь выпустить его из рук. Однажды мы были в разделочной, когда судно столкнулось с обломком айсберга. Корабль встряхнуло как следует, и мы повалились прямо в рыбы потроха. Было видно, как кусок льда проехался по борту корабля, оставив на нем большущие вмятины.

Чон До взглянул на грудь капитана. Татуировка его жены размылась и поблекла, словно акварель. Когда однажды его корабль не вернулся, ей дали нового мужа, а капитан так и остался один. К тому же годы, проведенные в русской тюрьме, он был обязан отработать государству, так что пенсии ему не видать.

– Холод может сковать корабль, – неожиданно сказал капитан, – сдавить все вокруг, металлические проемы, замки и затворы, замуровать в отстойнике, и никто, никто не придет с ведрами горячей воды, чтобы вызволить вас.

Капитан даже не взглянул на Чон До, но тот подумал, не предназначены ли ему эти слова о тюрьме – за то, что он принес прослушивающие устройства на палубу и подверг команду риску вновь там оказаться.

* * *

Когда стемнело и все спустились вниз, Чон До предложил второму помощнику за три пачки сигарет залезть на штурвал и взобраться на мачту, на которой висел репродуктор.

– Хорошо, – сказал второй помощник. – Но вместо сигарет я хочу послушать тех женщин, которые гребут.

Парень всегда спрашивал Чон До, как выглядят такие города, как Сеул и Токио, и ни за что не хотел верить, что Чон До не был даже в Пхеньяне. Он плохо лазал, но ему было интересно, как работает радиоприемник, и это тоже сыграло свою роль. Чон До велел ему вынуть шплинт, чтобы поднять антенну и направить ее на воду.

Потом они уселись на лебедку, все еще теплую, и закурили. Ветер гудел в ушах. Сигареты вспыхнули. Вокруг было темно, и линия горизонта отделяла абсолютно черную воду от молочного сумрака звездного неба. Несколько спутников пересекли небо, а на севере скользнули падающие звезды.

– Те девушки в лодке, – спросил второй помощник, – думаешь, они замужем?

– Не знаю, – ответил Чон До. – Какая разница?

– Каково это – грести вокруг света несколько лет? Даже если у них нет мужей, как же все остальные – люди, которых они покинули? Неужели им наплевать?

Чон До смахнул табак с языка и посмотрел на парня, который лежал, закинув руки за голову, и рассматривал звезды. Хороший вопрос – *А как же люди, которых покинули?* – хотя и странный для второго помощника.

– Совсем недавно, – сказал Чон До, – эти девчонки тебя так интересовали. Почему они стали тебя раздражать?

– Я просто не понимаю, что на них нашло, чтобы вот так сорваться с места и отправиться в кругосветку?

– А ты бы пошел, если б мог?

– В том-то и дело, что это невозможно. Кто такое выдержит – все эти волны и лед, в такой крошечной лодке? Кто-то должен был остановить их. Кто-то должен был выбить эти глупые мысли у них из головы.

Видимо, парень впервые задумался об этом, голова его кипела от напряжения. Чон До решил успокоить его немного.

– Они уже проплыли половину пути, – заметил он. – Да и они, скорее всего, хорошие спортсменки. Они специально готовились, наверное, им это нравится. А их лодка вряд ли похожа на это корыто. Это же американки, у них высокоразвитые технологии, со всеми удобствами и электроникой – это же не жены партийных вождей, гребущие в жестянке.

Второй помощник почти не слушал его.

– А что если удастся обогнуть земной шар – как же после этого терпеть очередь в туалет, если ты побывал в Америке? Может, в других странах просынные лепешки гораздо вкуснее и репродукторы не дребезжат. И вдруг ты понимаешь, что у тебя вода из-под крана воняет – и что же тогда делать?

Чон До не ответил ему.

Появилась луна. В небе они заметили реактивный самолет, поднимающийся со стороны Японии, – медленно он стал разворачиваться, покидая воздушное пространство Северной Кореи.

Помолчав немного, второй помощник сказал:

– Думаю, до них доберутся акулы. – Он выкинул сигарету. – Так зачем поворачивать антенну? Что там внизу?

Чон До не знал, как ответить.

– Голос.

– В море? Что он говорит?

– Там голоса американцев и одного русского, который говорит по-английски. Однажды был японец. Они обсуждают стыковку, маневрирование и все такое.

– Не обижайся, но похоже на шушуканье старух в моем доме.

Действительно, стало похоже на паранойю – теперь, когда второй помощник произнес это вслух. Но дело в том, что Чон До нравилась таинственность. Ему нравилось то, что люди

обмениваются сообщениями, что есть план, цель и смысл в том, что они делают, – ему надо было в это верить. Он понимал, что обычным людям не нужно думать о таком. Девушка, которая гребла днем, смотрела на горизонт, откуда она приплыла, а когда оборачивалась, то видела горизонт, к которому стремилась. А девушке, которая гребла по ночам, оставались лишь брызги и удары весел и вера в то, что они доставят ее домой.

Чон До взглянул на часы.

– Пора ночной путешественнице выйти на связь, – сказал он. – Или тебе нужна та, что гребет днем?

Второй помощник вдруг рассердился.

– Что за вопрос? Какая разница? Да не нужны они мне – ни та, ни другая. Моя жена – самая красивая женщина в нашем доме. Когда я смотрю в ее глаза, то точно знаю, о чем она думает. Я знаю, что она скажет, прежде чем откроет рот. Это и есть любовь, спроси любого старика.

Второй помощник выкурил еще одну сигарету и бросил ее в воду.

– Говоришь, русские и американцы сидят на дне моря? Почему ты думаешь, что они что-то замышляют?

Чон До вспоминал все общепринятые определения любви – это «голые руки, сжимающие раскаленный уголь, чтоб в нем не угасла жизнь»; «это жемчуг, который блестит вечно, даже в чреве угря, который ест устриц»; это «медведь, кормящий тебя медом из своих лап». Чон До представил себе этих девушек в момент, когда они передают друг другу весла, сменяя друг друга в труде и одиночестве.

Чон До показал на воду.

– Там внизу американцы и русские, и они что-то замышляют, я знаю это. Ты когда-нибудь слышал о том, чтобы кто-то спустил подводную лодку во имя мира и гребаного братства?

Второй помощник лег на лебедку, над ними простиралось бескрайнее небо.

– Нет, – ответил он. – Думаю, нет.

Из рубки вышел капитан и напомнил второму помощнику, что ему пора вычистить помойные ведра. Чон До предложил капитану закурить, но, когда парень спустился вниз, тот отказался.

– Не надо ему твоих идей, – сказал он и пошел по темному мостику к высокому носу «Чонма».

Мимо неспешно проплывало огромное судно с новенькими машинами на борту. Когда оно поравнялось с «Чонма», видимо, направляясь из Южной Кореи в Калифорнию, лунный свет пробежался по сотням новеньких ветровых стекол.

* * *

Еще через две ночи трюм «Чонма» заполнился до отказа, и судно повернуло на запад, домой. Чон До покурил с капитаном и лоцманом, когда они заметили красный огонек, мигающий в рубке. Ветер дул с севера, подгоняя их, так что палубу почти не раскачивало, словно они стояли на месте. Огонек снова зажегся и погас.

– Ответите? – спросил капитана лоцман.

Капитан вытащил сигарету изо рта и взглянул на нее.

– Какой смысл?

– Какой смысл? – переспросил лоцман.

– Да, какой смысл? Ничего хорошего нам все равно не светит.

Наконец, капитан встал, поправил куртку. За время, проведенное в России, он перестал пить, однако поплелся к рубке так, словно там его неотвратимо ждала выпивка, а не для того, чтобы ответить на вызов морского министра из Чонджина. Когда красный огонек исчез, они

поняли, что капитан ответил. Выбора у него не было. «Чонма» всегда оставалась в зоне досягаемости. Русские, которым когда-то принадлежал корабль, установили на нем радио с подводной лодки – его длинная антенна была предназначена для того, чтобы посылать сигнал из глубины, и она работала от 20-вольтового жидкостного аккумулятора.

Чон До смотрел на силуэт капитана в рубке и старался представить себе, что он говорит, – по тому, как он дергал шапку и тер глаза. В своем трюме Чон До только принимал сигналы. Ему никогда не приходилось передавать сообщения. Он тайно собирал передатчик на берегу и чем ближе был к завершению, тем больше нервничал по поводу того, что же он скажет.

Вернувшись, капитан сел на перилах, под раскачивающейся лебедкой, свесив ноги за борт. Он снял свою грязную шапку, которую надевал лишь изредка, и положил рядом. Чон До рассматривал медный герб на ней – серп и молот, отчеканенный поверх компаса и гарпуна. Такие шапки уже не делают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.